

ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

Важную роль в мобилизации советских хлопкоробов на успешное выполнение обязательств, которые были приняты ими в честь 50-летия образования СССР, сыграло состоявшееся в Ташкенте 5 сентября собрание партийно-хозяйственного актива хлопкосеющих республик, на котором выступил с речью Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Его советы помогли партийным организациям еще шире развернуть социалистическое соревнование за успешное проведение уборки урожая и заготовок продукции. На снимке: Л. И. Брежнев на трибуне собрания в Ташкенте.

Фото В. Мусаэльяна. ТАСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2370)

2 ДЕКАБРЯ 1972

Выполняя решения XXIV съезда КПСС, соревнуясь за достойную встречу 50-летия образования СССР, труженики сельского хозяйства Узбекской ССР вырастили в текущем году высокий урожай хлопка-сырца, организованно и без потерь провели уборку, успешно выполнили принятые на ташкентском собрании актива хлопкосеющих республик повышенные социалистические обязательства.

Большая трудовая победа хлопкоробов республики — это результат высокой организаторской работы партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов, самоотверженного, упорного труда всех колхозников, рабочих совхозов, специалистов сельского и водного хозяйства республики. На заготовительные пункты доставлено 4 600 тысяч тонн хлопка-сырца, девяносто процентов которого сдано первым сортом. Такое большое количество хлопка республика продает государству впервые.

УЗБЕКСКАЯ ССР, ПАХТАКОРСКИЙ РАЙОН. Механизаторы совхоза «Самарканд» завершают уборку. Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ПУСТЫНИ

См. страницы 4—5

С

ердечно и радушно встретила братская Венгрия партийно-правительственную делегацию СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, прибывшую с официальным дружеским визитом по приглашению Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии и Совета Министров Венгерской Народной Республики.

На Внуковском аэродроме в Москве делегацию провожали товарищи Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов и другие официальные лица.

Празднично украшен Ферихедьский аэродром венгерской столицы. Здесь советскую делегацию встречали Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Янош Кадар, Председатель Президиума ВНР П. Лошонци, Председатель Совета Министров ВНР Е. Фок, многочисленные представители трудящихся Будапешта.

27 ноября в здании Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии в Будапеште начались переговоры между партийно-правительственными делегациями Советского Союза и Венгерской Народной Республики.

В переговорах приняли участие:

С советской стороны: Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Эстонии И. Г. Кэбин, член ЦК КПСС, посол СССР в ВНР В. Я. Павлов.

С венгерской стороны: Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Совета Министров ВНР Ене Фок, член Политбюро ЦК ВСРП, первый секретарь Будапештского горкома ВСРП Карой Немет, секретарь ЦК ВСРП Арпад Пуллаи, член ЦК ВСРП, министр иностранных дел ВНР Янош Петер, член ЦК ВСРП, первый заместитель министра иностранных дел ВНР Фридьеш Пуйя, член ЦК ВСРП, посол ВНР в СССР Дьюла Рапаи.

В ходе обмена мнениями стороны обменялись информацией о внутреннем развитии обеих стран и обсудили меры по дальнейшему углублению разностороннего советско-венгерского сотрудничества.

На переговорах обсуждались также актуальные международные вопросы, в частности, относящиеся к европейской безопасности.

В нынешнем году Первому секретарю ЦК ВСРП товарищу Яношу Кадару исполнилось 60 лет. Отмечая выдающуюся роль товарища Яноша Кадара в развитии братской дружбы между советским и венгерским народами, большие заслуги в укреплении дела мира и социализма, Президиум Верховного Совета СССР наградил его орденом Ленина.

27 ноября в зале Мункачи Государственного собрания ВНР глава партийно-правительственной делегации СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в теплой, товарищеской обстановке вручил Первому секретарю ЦК ВСРП товарищу Я. Кадару высшую награду нашей страны — орден Ленина.

Проводы на Внуковском аэродроме.

ТЕПЛО БРАТ

Фото А. ГОСТЕВА.

СКОЙ ВСТРЕЧИ

Встреча в Будапеште.

◀ Переговоры между партийно-правительственными делегациями СССР и ВНР.

Вручение товарищу Я. Кадару ордена Ленина. ▶

Телефото В. МУСАЭЛЬЯНА, В. СОБОЛЕВА (ТАСС).

БЕЛОЕ ЗОЛОТО ПУСТЫНИ

Одно из славных событий минувшей осени — рапорт хлопкоробов страны. В канун 50-летия образования СССР труженики хлопковых плантаций Узбекистана, Казахстана и Азербайджана завершили уборку. Хозяйства Туркмении, Таджикистана и Киргизии заканчивают сбор урожая и продажу хлопка государству. Эти республики вновь порадовали Родину своим успехом. Кому не ясно, что хлопок — один из главнейших видов промышленного сырья. И проблема хлопководства нередко определяет экономические показатели развития страны в целом.

Так вот, до Великого Октября сбор хлопка в границах бывшего Туркестанского края не превышал и половины миллиона тонн. А нынче, в 1972 году, только узбекские хлопкоробы сдали на заготовительные пункты почти в десять раз больше — 4 миллиона 600 тысяч тонн хлопка-сырца! В несколько раз возросло его производство и в других хлопкосеющих республиках страны — в среднеазиатских и закавказских. Особенно высокими темпами развивалась эта важнейшая отрасль сельского хозяйства в последние годы. Если в седьмой пятилетке среднегодовая урожайность сырца составляла 20,6 центнера с гектара и валовой сбор достиг 4,996 тысячи тонн, то в восьмой пятилетке урожайность поднялась до 24,1 центнера, а валовой сбор хлопка — до 6100 тысяч тонн. Теперь хлопкоробы сделали новый крупный шаг вперед. В минувшем году страна получила от них 7100 тысяч тонн сырца, нынче же и этот рубеж будет превзойден.

Хлопок сравнивают с золотом. Это справедливо. Высоченные белые хлопковые кубы на заготовительных площадках сравнивают с белоснежными вершинами Монблана или Гималаев. Но с чем сравнить подвиг людей, славных хлопкоробов! Узбекистан сдал государству на 600 тысяч тонн хлопка больше, чем предусматривалось государственным планом второго года пятилетки. И сейчас хлопкоробы республики прилагают все усилия, все мастерство, чтобы собрать к юбилею СССР еще 100 тысяч дополнительных тонн. Не может быть лучшего подарка социалистической Родине!

А то, что нынешний успех хлопкоробов страны — успех всесоюзного масштаба, в этом нет сомнения. Вся страна, весь Союз внес вклад в практическое осуществление грандиознейшего плана ирригации и мелиорации в хлопкосеющих районах по последнему слову науки и техники. Без воды не было бы и хлопка. Именно сооружение искусственных рек и морей позволило повысить урожайность хлопчатника, освоить Голодную степь, расширить посевы хлопчатника в Таджикистане, в Туркмении и в других братских республиках.

Не было бы такого количества хлопка и без удобрений. Каждому должно быть известно, что половину урожая хлопка хозяйства у нас получают именно за счет удобрений. Значит, химики всей страны, ученые всей страны внесли свой вклад в подарок хлопкоробов.

То же самое можно сказать о вкладе и машиностроителей и тракторостроителей, всех, кто дал хлопкоробам современную технику, поливочные машины, трубы, сеялки, комбайны, кто помог им сменить кетмень на плуг. Например, в Узбекистане 30 тысяч механиков-водителей заменили по меньшей мере миллион сборщиков хлопка!

Вот теперь-то понятно, почему хлопок называют золотом, почему его горы на хирманах превыше Гималайских. И почему вся страна радуется победе на плантациях Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии, Казахстана, Азербайджана и даже самых малых хлопкосеющих районов.

См. 2-ю страницу обложки.

Вячеслав КОСТЫРЯ

ЛУНА НА ЗЕМЛЕ

Хлопок — белое чудо земли! Только лен ему под стать. Без преувеличений лен и хлопок — дети солнца.

Когда читаешь строки Директив XXIV съезда КПСС о завершении в девятой пятилетке основных работ по освоению Голодной степи, тотчас же вспоминается знаменитый ленинский декрет 1918 года об ирригации этого края. Это ведь он тогда положил начало нынешнему потоку целинного хлопка — более полумиллиона тонн ежегодно! Далеко видел Владимир Ильич, предрешая счастливую судьбу Голодной степи. А Голодная степь в ту пору больше напоминала безжизненную Луну, чем цветущую Землю.

Зрительное представление о «лунном» пейзаже можно получить из телевизионного репортажа о прилунении, особенно в момент, когда космический агрегат вздымает клубы пыли. Если же захочется, так сказать, лично попасть на Луну, минуя строгости медицинского отбора, надо, пока не поздно, приехать в столицу Голодностепья — город Янгиер (в переводе с узбекского — «Новая земля»), а уж здесь обязательно побывать на массивах, где полным ходом ведутся ирригационные работы. Такие массивы есть на доставшихся нам от прошлого землях «вторичного засоления».

Лишенный эмоций термин «вторичное засоление» означает гибель этих земель после того, как их уже однажды оживили... Гибель того, что когда-то уже буйно цвело и давало плоды. А теперь? Снова желто-серо-фиолетовая цветовая гамма пустыни вытеснила зелено-бело-голубую расцветку долины плодородия... Среди блеклой желтизны измельченной в пыль почвы, покрытой пепельными плешками солончаков, иссиня-багровым ядовитым пламенем пылают кустики солянки и чуть посветлее — джингиля. Говорят, что растения эти не бесполезны и что еще воины Чингисхана на привалах жгли их и золой стирали одежду. А ведь эта земля способна рождать чудесный белый цветок хлопка — сколько сорочек и платьев получили в свое время здесь! И вот пейзаж снова стал «лунным»... Что же делать? Особенно остро этот вопрос стоял в середине пятидесятых годов.

Мнений, как обычно в таких ситуациях, было два. Первое: вообще не надо было затевать нового освоения. И второе: затевать надо, но только по-другому! С учетом новых технических возможностей, то есть конструктивно-комплексно!

Мнение партии и правительства было выражено в специальном постановлении от 6 августа 1956 года «Об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка». И уже в 1960 году люди во всеоружии новой техники и, конечно же, богатейшего опыта устремились в глубь степи.

КОЕ-ЧТО О ПОЧКАХ ЗЕМЛИ

Опыт освоения Голодностепья действительно немалый. Но нередко и печальный. Кое-кто считал, что достаточно напоить эту извечно жаждавшую землю — и только успевай собирать ее дары. Иные же еще до полива задумывались о коварстве соленых грунтовых вод, расположенных слишком близко к поверхности и всегда готовых поднять губительную соль до самых корней растений. Но как понизить уровень грунтовых вод?

На небольших участках еще до революции это делали с помощью кетменя. В 1917 году здесь было освоено тридцать четыре тысячи гектаров. Урожай хлопчатника на них не превышал семи центнеров с гектара, да и то лишь до той неизбежной поры, пока грунтовые воды не проступали на полях солеными болотами... А чтобы поднять и держать постоянно в культурном состоянии всю голодностепскую целину, это же какой гигантский объем земляных и прочих работ надо выполнить!..

У одних опускались руки, другие дотошно подсчитывали этот самый «объем», обращая главное внимание на «прочие работы», ибо машинный парк и энергетические мощности «Голодностепстроя» выросли за последние десять — пятнадцать лет настолько, что ему под силу изрыть всю степь вдоль и поперек. Но «прочие работы» — это и был тот самый «звуковой барьер», преодоление которого кладет начало качественно новому этапу в освоении Голодной степи. Другими словами, надо было оживить мертвую землю водой, а главное, не допустить, чтобы эта же вода снова убила ее! Нужны были искусственные почки — почки для земли.

Начальник «Голодностепстроя» Тухтамыш Баймиров, вспоминая годы, когда решалась судьба всего Голодностепья, прежде всего назвал имя «хирурга», возглавившего эту первую не только в отечественной, но и в мировой мелиоративной практике грандиозную «операцию на пустыне». Это Акоп Абрамович Саркисов.

О масштабах операции можно составить представление по таким цифрам: протяженность лотковой оросительной сети Голодностепья составляет более трех тысяч ста километров, а закрытого дренажа (это и есть «почки»!) — более семи тысяч семисот километров. Плюс еще почти три тысячи километров коллекторной сети. Словом, если вытянуть все эти водные дороги в одну линию, ею можно покрыть расстояние Ташкент — Москва — Владивосток!

Таков он, размах «прочих работ». Земляные монтажные работы велись по последнему слову науки и техники. Многие механизмы специально создавались и испытывались на голодностепских просторах.

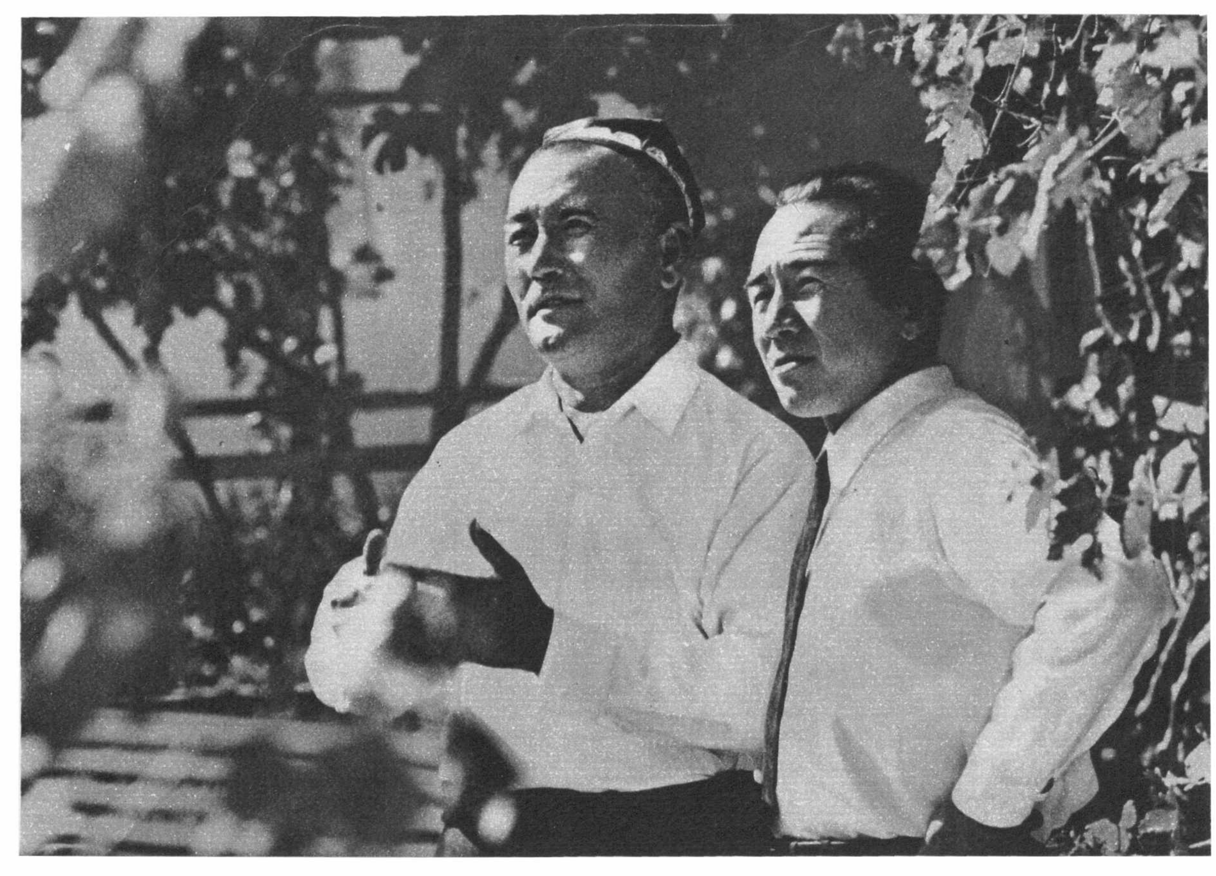
Оросительная вода — большая ценность. Чтобы сократить до минимума ее потери в пути к полям, было решено применить в качестве антифильтрационной одежды каналов монолитную бетонную облицовку и комбинированную облицовку плитами по пленке. А на участках оросительной сети вместо традиционных земляных арыков — бетонные лотки на опорах и закрытые трубопроводы.

С помощью вот этаких «почек» земля оказывается безотказно функционирующим живым организмом богатырской стати. Да, только в таком случае по Южно-Голодностепскому каналу она получает для поливов триста кубометров воды в секунду, превращая ее в первоклассный хлопок-сырец. И если поначалу, в 1966 году, хлопковая отдача новой зоны орошения составила лишь четырнадцать тысяч тонн, то ныне превысила четверть миллиона.

А в ближайшие годы к двумстам тысячам вновь освоенных гектаров прибавится еще сто тридцать тысяч. Срок окупаемости новых хлопководческих хозяйств сократился с десяти лет до пятишести. Начиная с 1968 года только одна новая зона орошения дала около пятидесяти миллионов рублей чистой прибыли.

22 апреля 1972 года, в день рождения В. И. Ленина, большой группе специалистов — Саркисову Акопу Абрамовичу, руководителю работы, Озерскому Евгению Ивановичу, заместителю начальника Главного Среднеазиатского управления по ирригации и строительству совхозов, Касимову Абдукариму Каси-

мовичу, бывшему управляющему треста «Таджикцелинстрой», Баймирову Тухтамышу, начальнику управления «Голодностепстрой», Терситскому Дмитрию Константиновичу, директору института «Средазгипроводхлопок», Беньяминовичу Эммануилу Моисеевичу, главному специалисту того же института,— была присуждена Ленинская премия за разработку и внедрение прогрессивных методов по орошению и первичному комплексному освоению целинных земель Голодной степи. Список лауреатов Ленинской премии говорит и о том, что Голодная степь — это земля дружбы и братства народов.

Двое из армии борцов за большой хлопок — директор совхоза «Самарканд» Герой Социалистического Труда Эргаш Халматов и начальник «Голодностепстроя» лауреат Ленинской премии Тухтамыш Баймиров.
Фото Э. Эттингера.

«САМАРКАНД» В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

...Эргаш Халматов знал цену воде и земле с детства. Коренной самаркандец, он приехал сюда «поглядеть» да так и прикипел душой к Голодной степи. Сначала осваивал земли совхоза № 26 имени Акмаля Икрамова и, естественно, сам «осваивался». А когда представилась возможность, он не удержался и пошел «на рекорд»: выжать из голодностепской самой целинной целины все, на что она способна.

Навсегда врезались в память Эргаша Халматова и тот день и тот час: 6 декабря 1965 года, 14 часов 55 минут. Именно тогда Эргаш Халматов «высадился» на землях нынешнего совхоза вместе с единомышленниками — хлопкоробом Умурзаковым, инженером-землеустроителем Сидыковым, инженером-ирригатором Худояровым, комсомольским вожаком Алибековым и управляющим хлопководческого отделения Кульматовым. Так рождался новый голодностепский совхоз, названный с явным заглядом в его цветущее сегодня — «Самаркандом».

Трудно, рискованно, но захватывающе интересно было! Каждую операцию проводили на уровне научного эксперимента. Сеять — значит расходовать на лунку по одному семечку. Расчет — на отборные семена. К тому же специально обработанные — оголенные. Сеялки только точного высева! Кроме того, вместе с семенами в землю одновременно вносятся минеральные удобрения, затем очередь гербицидов. Практика подтвердила: так выгодно! Расход семян на гектар здесь в шесть с лишним раз меньше, и к тому же значительная экономия затрат ручного труда на прореживании всходов, полке сорняков!

Как показали подсчеты, в минувшем году (кстати, весьма неблагоприятном по погодным условиям) затраты труда на центнер голодностепского хлопка составили 2,19 человеко-дня. На одного полевода пришлось 18,2 тонны произведенного здесь «белого золота». А «самаркандцы» пошли дальше. В 1971 году они довели урожайность целинного хлопка до 24 центнеров. Многие мастера-хлопкоробы были награждены высокими правительственными наградами, а Эргашу Халматову присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Целинники Голодной степи выступили инициаторами полной механизации уборки урожая. Они заявили, что отказываются от ручного труда горожан в страдную пору,—шаг, подготовленный принципиально новой, индустриальной постановкой дела в нашем хлопководстве. ЦК Компартии Узбекистана, Совет Министров Узбекской ССР одобрили эту инициативу. В порядке опыта голодностепский совхоз «Самарканд» был переведен на полный хозяйственный расчет.

В нынешнем году «самаркандцы» уверенно придерживались своего принципа. И в том, что они одержат хотя и нелегкую, но тем более значительную победу, не было сомнений. Тридцать центнеров с каждого целинного гектара «самаркандцев» — таков их вклад в миллионы тонн узбекистанского «белого золота», собранных в честь 50-летия образования Союза ССР.

МИРАЖ НА АСФАЛЬТЕ

...К сведению многих читателей: «Пахтакор» — это не только название ташкентской футбольной команды, опять завоевавшей право выступать в высшей лиге... Собственно, команду назвали так в честь узбекских мастеров возделывания «белого золота», ибо в переводе «пахтакор» значит «хлопкороб».

Секретарь Пахтакорского райкома партии Вакиль Хамидович Насретдинов сказал: «Все, что возвышается над землей, построено за последние пять лет». А «возвышаются» здесь, в районном центре, не только современные многоэтажные здания, но и деревья с пышными кронами и сооружения спортивного комплекса. Тут даже «какой-то не такой» воздух на широких благоустроенных улицах—нет в нем изнуряющей пустынной жестокости, как прежде. Потому что по пути сюда проходит он над множеством оросительных каналов. А у самого поселка зеркало пруда. Оглянешься кругом — и словно ты в микрорайоне большого города. Здесь все под боком: торговый центр, детские сады, кинотеатры, районная больница с хорошо оборудованным хирургическим отделением. Дома окружены садами и огородами. В каждом электричество, водопровод, газ.

Но у хлопкороба обязательно есть еще и второй, летний дом — это полевой стан. В Голодной степи их строят с особой старательностью. Возвышаются они над гладью плантаций этакими ракетодромами, где все припасено для жизни и работы.

Вот «ракетодром» комсомольско-молодежной бригады Кельдыбека Исматова из совхоза имени Ахунбабаева. Спальня, баня, столовая, комната отдыха, библиотека, телевизор, шахматы. И склад с инструментами и запчастями для разных машин. Здесь есть бильярдная, гараж для личных автомобилей, буфет без продавца.

У парадной арки широкой рекой — асфальтированное шоссе. Доверьтесь ему, и оно приведет вас в любой конец Голодной степи. И если полвека тому назад путники блуждали в этих «лунных» просторах, нередко гибли тут, то нынче надо только внимательно присматриваться к дорожным указателям, чтобы не попасть, скажем, в «Фергану» вместо «Самарканда».

Сами же хозяйства легко узнать и без указателей — у многих появились индивидуальные черты. У въезда на территорию «Андижана» — розарий, «Ферганы» — виноградник, у «Самарканда» слева — карагачевая аллея, а справа — молодой фруктовый сад.

Не узнать нынче и старинного пристанционного поселка Мирзачуль, ставшего административным центром целинной области под именем Гулистан, то есть «Край цветения», что вполне соответствует его нынешнему виду. С 1966 года здесь работает свой вуз — Сырдарьинский педагогический институт. Множество средних специальных учебных заведений и в самом Гулистане, в Джизаке и Янгиере — в них около десяти тысяч учащихся — будущих строителей и хлопкоробов, мелиораторов и учителей, механизаторов и медиков.

...Авангардным клином выдвинулся на восток от Гулистана, в глубь степи город Янгиер — штаб строителей и тех, кто осваивает целину. Есть что-то глубоко знаменательное в том, что «Голодностепстрой» расположился на улице Набережной, проходящей вдоль Южно-Голодностепского канала. На его берегу, среди дубков, карагачей, кленов, джиды,— музыкальная эстрада! Летними вечерами в шелест листвы и плеск воды вплетаются оркестровые мелодии... Но вот задувает ветер, и у горизонта, над листвой и крышами, в блеклой голубизне неба встают гигантские серо-желтые столбы клубящейся пыли.

— Это идут планировочные работы,— сообщают нам.— Хотите сфотографировать?.. Тогда берите машину, а то будет поздно...

Мчимся по янгиерскому асфальту. Но что за серебристые полоски, вроде струек воды?.. Они то и дело пересекают глянцевую черноту асфальта и, когда машина приближается к ним, исчезают.

— Обыкновенный мираж,— сказал водитель.

А вокруг нас лежала пустыня, бывшая пустыня, обжитая и плодоносящая. И это не было миражем!

БОГАТСТВО КАЖДОГО ИЗ НАС

Пятая часть покрытой лесом территории земного шара находится в нашей стране. Это треть мировых запасов древесины. А если говорить о наиболее ценных, хвойных лесах,— мы располагаем более чем половиной их мирового запаса. Лес — неоценимое национальное богатство. Материалы прошлой сессии Верховного Совета СССР подчеркивают необходимость дальнейшего улучшения охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Корреспондент «Огонька» К. Барыкин встретился с депутатом Верховного Совета СССР, председателем Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР, доктором экономических наук, профессором Г. И. ВОРОБЬЕВЫМ.

— Георгий Иванович, осень — страдная пора на хлебном поле, на хлопковой плантации. А в лесу осенью затишье?

— Осенью повседневные дела и заботы лесоводов не уменьшаются. В эту пору идет массовая заготовка семян древесных и кустарниковых пород — основы будущих зеленых массивов. Производятся посадки и посевы леса; для улучшения качества лесов ведутся рубки ухода, идет подготовка к работам будущего года, продолжаются лесомелиоративные, дорожно-строительные и другие работы. Осенью лес отдает свои последние дары — грибы, ягоды, дикорастущие плоды. Да, у леса свой урожай. И осень подводит ему итог. Лесоводы, заботясь о сегодняшнем дне, еще больше думают о будущем, памятуя слова Климента Аркадьевича Тимирязева, который сказал, что сегодня для лесовода важно, а завтра важнее.

Сто шестьдесят тысяч работников государственной лесной охраны, в том числе более 100 тысяч лесников, заботятся о лесе, охраняют его от огня, от нападения лесных вредителей, от болезней. Для тушения лесных пожаров организуются пожарно-химические станции. В многолесных районах на площади более 700 миллионов гектаров ведется авиационная охрана лесов от пожаров.

Лесоводам необходимо ускорить внедрение принципиально новых методов ликвидации лесных пожаров, расширить применение способов тушения огня с помощью осадков, искусственно вызываемых из облаков, новых химических средств и приспособлений для борьбы с огнем с самолетов и вертолетов... Над проблемой успешной борьбы с лесными пожарами сейчас трудятся не только лесоводы, но и климатологи, химики, работники авиационной промышленности.

Нужно учесть уроки этого года. Важно, чтобы правила пожарной безопасности неукоснительно выполнялись всеми работающими и отдыхающими в лесах.

— Не сегодня сказано: «Человек за свою жизнь должен посадить и вырастить хоть одно дерево...»

— Прекрасная мысль, но нуждающаяся в некотором уточнении. Суточный баланс дыхания одного жителя нашей планеты обеспечивают четыре взрослых дерева. Они выделяют около полутора килограммов кислорода и поглощают примерно столько же углекислоты. Так что будет очень хорошо, если каждый посадит и вырастит по нескольку деревьев. Замечу кстати, что все леса нашей страны за год выделяют в атмосферу около трех миллиардов тонн кислорода.

В последние десятилетия в связи с бурным ростом научно-технического прогресса роль леса в жизни общества значительно возросла. Лес — очень важная составная часть живой оболочки Земли — биосферы; лес — могучий регулятор климата и водного баланса; самый надежный, безотказный фильтр, очищающий воздух от вредных примесей. Лес — надежный хранитель земель, вод, атмосферы, животного и растительного мира

— Видимо, современный город не может существовать без окружающего его леса.

— Промышленный город должен иметь достаточную площадь зеленых насаждений. И когда человек бездумно срубает деревцо или протаптывает тропу в только что сделанных посадках, он у себя самого отнимает глоток чистого, свежего воздуха, ухудшает условия жизни. В Москве, кроме городских скверов и парков, имеется целое море пригородных лесов. Оно раскинулось на площади 1 миллион 800 тысяч гектаров. Никакая другая столица мира не располагает подобными зелеными массивами. Подмосковные леса — гордость москвичей, богатство всех и каждого.

За последнее время отличные лесопарки созданы вокруг Ленинграда, Киева, Кишинева, Свердловска, Новосибирска и других городов. В окрестностях Душанбе не сохранилось естественных лесов. Но пришел на помощь лесовод, и сейчас в Гиссарской долине 1 200 гектаров фисташки, миндаля, абрикоса, айланта.

— Какие леса особенно ценятся?

— В зонах отдыха нельзя обойтись без березовых рощ и кустарников, в лесопромышленной зоне важны большие запасы древесины... Пока за их многосторонние ценные свойства первенство все же остается за хвойными породами. Лесоводы уделяют больше внимания выращиванию ели, сосны, кедра. К слову, о кедре. Могуч и долговечен, красив и строен этот питомец сибирской тайги. Кроме древесины, сибирский кедр дает орехи, богатые жирами, белками, углеводами и витаминами, он обеспечивает пищей белку, соболя и других пушных зверей. Смола кедра обладает целебными свойствами. Из нее получают бальзам и другие медицинские препараты. Хвоя кедра содержит большое количество витамина С.

Чист, целебен воздух в кедровых насаждениях. Высоки фитонцидные свойства кедровников. Все это имеет важное значение для науки о курортах, для гигиенистов, специалистов по озеленению городов и рабочих поселков. Сибирский кедр растет не только в Сибири и на Урале. Усилиями лесоводов он акклиматизирован на берегах Финского залива и Волги, в Подмосковье, в других районах нашей страны. Кедровые рощи у нас не уменьшаются, а увеличиваются.

...Весь лесной фонд нашей страны — 55 процентов ее территории. По запасам древесины, по ее качеству наш лес не имеет себе равных в мире! Этим можно и нужно гордиться. Лесные богатства велики, однако не беспредельны. «Много леса — не губи, мало леса — береги, нет леса — посади»,— говорят в народе. И в этом — мудрость, в этом — уважение к лесу.

Следует сказать несколько критических слов в адрес отдельных предприятий по заготовке древесины и ее переработке. Комбинат «Башлес» и объединение «Казлес» Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности из года в год отступают от правил рубок, ведут усиленную эксплуатацию хвойных лесов и недостаточно используют лиственные,— и в результате качественный состав лесного фонда ухудшается.

Некоторые лесозаготовители до сих пор допускают большие потери древесины. Немало срубленных деревьев оставляется на лесосеках, теряется при транспортировке. Иногда назначенный в рубку лес оставляется на корню. Много уже заготовленной древесины теряется при переработке: еще велики отходы на деревообрабатывающих предприятиях.

Следует повести решительную борьбу с потерями древесины на всех этапах, начиная с лесозаготовок и кончая переработкой. «Ставится задача,— говорил на XXIV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев,— без существенного расширения объемов лесозаготовок значительно увеличить выпуск того, что составляет конечный продукт этой отрасли,— лесных материалов, целлюлозы, бумаги, картона, мебели, древесных плит».

— Только ли на традиционных лесных районах сосредоточено внимание лесоводов?

— Нет, конечно. Несколько лет назад я был в Центральных Кызылкумах. Пески да барханы. Но сегодня уже многое меняется. Например, Зарафшан. Не скажу, что сейчас это город-сад, но начало саду положено: город окаймлен посадками арчи, саксаула и других пород.

Трудно осваивать богатейшие районы Кызылкумов и Каракумов, если их пески не закрепить. Прежде всего для этого идет саксаул — растение поистине изумительное. На песках выращиваются также черхез, джузгун и другие деревья и кустарники.

Говоря о новых районах выращивания леса, нельзя не упомянуть Донецкую и Ворошиловградскую области, Караганду. Лесоводы Украины и Казахстана задумались: а почему бы не освоить терриконы? И уже сейчас немало терриконов стали зелеными островами. Теперь задача — превратить эти районы в зеленые массивы. Надо заметить: не простая задача, но разрешимая.

— В лесу трудятся тысячи энтузиастов. Назовите некоторых из них.

— Зная возможности журнального интервью, я не могу упомянуть каждого, хотя, думаю, большинство заслуживает того, чтобы о них знали. В Ларичихинском леспромхозе Алтайского управления лесного хозяйства работает бригада, руководимая Героем Социалистического Труда Николаем Алексеевичем Ростовцевым. Два года этот коллектив удерживает первенство во всесоюзном социалистиче-

ском соревновании. Четверть века работает в лесном хозяйстве Надежда Иосифовна Федорчук из Ровенской области. За эти годы она вырастила 500 гектаров леса.

А вырастить дерево — труд огромный. В первые годы жизни за деревом приходится ухаживать, словно за малым ребенком. Как не сказать уважительных слов о заслуженном лесоводе Узбекистана Дусбае Бегимове, под руководством и с участием которого создано 35 километров лесных полос вдоль дороги Ташкент — Термез! Достойные примеры показывают лесоводы Грузии: они решили в нынешнем году высадить 50 миллионов деревьев. «Это наш трудовой салют пятидесятилетию Советского Союза!» — говорят грузинские лесоводы.

Таким примерам нет числа. Но, к сожалению, есть еще и факты, вызывающие досаду. Например, низка еще приживаемость лесных культур в некоторых районах Таджикской и Казахской республик. Ниже плановой нормы она в лесхозах Калмыцкой АССР, Астраханской и некоторых других областей Российской Федерации. Причин много, и они различны: неблагоприятные метеорологические условия, применение нестандартного посадочного материала, нарушение сроков посадки, небрежный уход. Но суть от этого не меняется. Лесоводам нужно шире использовать передовой опыт и достижения науки. Закладка новых лесов — большое государственное дело.

— Каковы задачи лесоводов по созданию новых лесов!

— Задачи эти определены Директивами XXIV съезда КПСС и отражены в материалах сессии Верховного Совета СССР. Задание по восстановлению леса и защитному лесоразведению на пятилетие — 12 миллионов гектаров. В том числе намечено на землях колхозов и совхозов заложить 1,8 миллиона гектаров новых противоэрозионных насаждений и полезащитных полос. За восемь месяцев нынешнего года лесовосстановительные работы проведены на площади в 1 миллион 100 тысяч гектаров.

Ведется не только посадка новых лесов. Реконструируются имеющиеся лесные насаждения: из лесов выводятся низкопродуктивные, нежелательные, как мы говорим, породы. Их место занимают быстрорастущие, обладающие высокими качествами деревья.

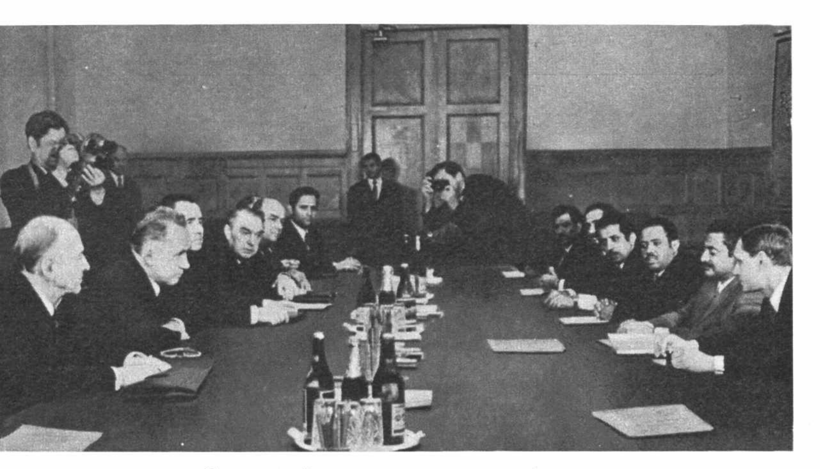
Лесозаготовительные предприятия обязаны сохранять при рубках подрост и молодняк. Все работы по лесовосстановлению ведутся на научной основе, но и практика, опыт тоже находят широкое применение. На помощь лесоводам приходит и новая техника. В частности, высокопроизводительные посадочные машины. Если проводить аналогию с сельским хозяйством,— это сеялки для лесов. Идет машина, а за ней выстраивается ряд крохотных, еще беспомощных растений. И от человека зависит, станет ли такой саженец могучим деревом...

Среди природных богатств Советского Союза особое место занимает озеро Байкал. Бережное отношение к лесам, окружающим это озеро,— наша святая обязанность. В лесах водоохранной зоны Байкала берут начало и протекают более 300 рек и речек, питающих своими водами озеро, вселяющих в него жизнь. Большую заботу об этом единственном в своем роде хранилище пресной воды проявляют партия и правительство.

Сейчас разработаны и уже осуществляются меры по соблюдению особого режима рубок в лесах водоохранной зоны Байкала. Этим предотвращается водная эрозия почв, берега охраняются от размывов и разрушений. В Прибайкалье выделяются защитные полосы, расширяются орехопромысловые зоны. Только за 1971—1972 годы в водоохранной зоне озера заложены лесные культуры и защитные насаждения на площади свыше 17 тысяч гектаров. Ведутся комплексные исследования по сохранению природы озера Байкал, повышению эстетической, курортно-оздоровительной роли прибайкальских лесов.

Заканчивая интервью, хочу повториться: сегодняшний лес — богатство каждого из нас. А леса, высаживаемые сейчас,— здоровье и богатство наших детей. Все мы в долгу перед лесом. Этот долг обязывает нас умножать лесные богатства, сохранять их...

Советско-йеменские переговоры.

Фото А. Гостева.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 21 по 25 ноября 1972 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась партийно-правительственная делегация Народной Демократической Республики Йемен во главе с Председателем Президентского совета и заместителем Генерального секретаря ЦК Национального фронта НДРЙ Салемом Рубейя Али.

Делегация осмотрела достопримечательности Москвы и возложила венки к Мавзолею В. И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата. Кроме Москвы, высокие гости посетили также Ленинград, где имели встречи с представителями советской общественности, ознакомились с жизнью и трудом советского народа и его достижениями в различных областях.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым и членом ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, с одной стороны, и Председателем Президентского совета и заместителем Генерального секретаря ЦК Национального фронта НДРЙ Салемом Рубейя Али, членом Политбюро ЦК Национального фронта, председателем секретариата ЦК НФ Али Салех Обадом, с другой стороны, состоялись официальные переговоры.

В ходе переговоров и встреч, проходивших в атмосфере дружбы и полного взаимопонимания, были обсуждены вопросы двусторонних государственных отношений, связей между КПСС и Национальным фронтом НДРЙ, а также вопросы, связанные с положением на Юге Аравии и на Ближнем Востоке в целом, и другие актуальные международные проблемы.

По окончании советско-йеменских переговоров было подписано совместное коммюнике.

●

24 ноября делегация Министерства иностранных дел СССР посетила Новодевичье кладбище в Москве и возложила венок на могилу выдающегося советского дипломата и государственного деятеля Г. В. Чичерина в связи со 100-летием со дня его рождения.

На снимке: делегация МИД СССР во главе с заместителем министра иностранных дел С. П. Козыревым возлагает венок.

Фото А. Гостева.

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

Владимир ЛОМЕЙКО

Впервые в послевоенной истории на Рейне звучат четкие политические формулировки после парламентских выборов: победа и поражение. Впервые победа СДПГ и СвДП и поражение ХДС/ХСС не вызывают сомнений ни у самих партий, ни у избирателей, ни у остального мира. Если учесть, что долгие послевоенные годы лидерство христианских демократов считалось непоколебимым, а после выборов в 1969 году в бундестаге началось мучительное перетягивание фракционного каната, то после 19 ноября можно без преувеличения говорить о перевернутой странице в политической истории Бонна. Если все эти три года депутаты ХДС/ХСС, извертевшись на непривычных оппозиционных скамьях, как могли, изголялись в адрес «неустойчивой» правительственной коалиции, то отныне западногерманский избиратель отбил у них вкус к язвительному самомнению. Уже в первый понедельник после своего «черного воскресенья» несостоявшийся канцлер Райнер Барцель на заседании президиума и федерального правления партии заявил, что «ХДС не достиг своей цели на выборах и не получил большинства, чтобы образовать правительство. Это — поражение».

Газета «Франкфуртер рундшау» комментарий, посвященный выборам, озаглавила «Победа разума», а «Вестфелише рундшау» подчеркивала: «Это была победа политики мира, и мало кто думал, что она будет такой убедительной».

Пожалуй, именно с последнего утверждения следует начать перечисление особенностей этих отнюдь не рядовых выборов. Ни те, кто надеялся на победу правительственной коалиции Брандта — Шееля, ни те, кто желал ей поражения, не ожидали таких однозначных результатов. Неопределенность висела в воздухе до самого закрытия избирательных участков. Патовая ситуация в бундестаге и постоянно нагнетавшийся справа психоз склоняли даже самых уверенных знатоков проблемы к осторожности в оценках.

Мнение избирателей, однако, оказалось устойчивее прогнозов. Большинство западных немцев вполне определенно высказалось в поддержку политики правительства Брандта— Шееля. Этот факт, сопряженный с небывало высоким процентом (91,2%) участия избирателей в голосовании, говорит о многом. И прежде всего о возросшем политическом самосознании населения. Все большее число западных немцев осознает необходимость активного участия в решении нынешних и будущих судеб страны. То, что этот вывод совпадает с поддержкой нового курса правительства Брандта — Шееля, несомненно, означает, что политически активная часть населения выступает за политику реализма и позитивных перемен.

Ни для кого не секрет: главным оселком в предвыборной борьбе были вопросы внешней политики. Именно с нее начал кабинет Брандта — Шееля. Именно здесь правительственная коалиция добилась наибольших успехов. Московский и Варшавский договоры явились не только конкретным признанием послевоенных реальностей. Они вызвали в ФРГ поляризацию сил и обострение политических страстей.

Сегодня внешнеполитические комментаторы во всем мире единодушны в своем выводе: решающим в выборе избирателей между двумя коалициями СДПГ и СвДП и ХДС/ХСС был внешнеполитический фактор. И то, что большинство избирателей недвусмысленно высказалось за поддержку курса мира, за отказ от догм холодной войны, свидетельствует о принципиальном сдвиге в общественном мнении Западной Германии. «Вестфелише рундшау» подчеркивала, что партии правительственной коалиции победили на выборах благодаря проводившейся ими «политике сближения с Востоком, урегулирования отношений между обоими германскими государствами, стабилизации мира в Европе. Совершенно ясно, что граждане ФРГ хотят окончательного подведения черты под второй мировой войной».

На этих выборах было немало сенсаций, выходящих за рамки чисто боннской действительности. ХДС не просто проиграла: уменьшилось число голосов, поданных за эту партию, по сравнению с прошлыми выборами. СДПГ и СвДП, наоборот, укрепили свои позиции, и социал-демократы впервые в истории ФРГ образовали самую крупную фракцию в бундестаге. Уже первые анализы показали, что за СДПГ голосовало не только большинство новых избирателей (из числа молодежи), но и значительная часть бывших сторонников ХДС/ХСС. Этот отток был настолько значителен, что его не смогли компенсировать даже бывшие приверженцы НДП, голосовавшие в большинстве за партию клерикалов.

Попытки правых сил, развязавших шумную пропагандистскую кампанию о «коммунистической угрозе и инфляции», не смогли одурачить избирателя. Большинство сумело оценить качественно новое в политике Брандта — Шееля. В результате произошло количественное изменение соотношений сил в бундестаге: отныне СДПГ и СвДП имеют на 48 депутатов больше, чем партия Барцеля — Штрауса. Поскольку качественное изменение рельефнее всего проявилось в области внешних дел, можно говорить о поддержке западногерманским населением правительственного курса на обновление внешней политики. Под этим имелись в виду не только достигнутые результаты: Московский и Варшавский договоры, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину (немыслимое вне политики взаимопонимания), Договор об основах отношений между ФРГ и ГДР, переговоры ФРГ с ЧССР и другими социалистическими странами. Под этим подразумеваются усилия по претворению этих соглашений в жизнь, по наполнению их конкретным содержанием.

Многие избиратели, одобряя этот курс, связывали свои ожидания с дальнейшим улучшением взаимоотношений между ФРГ и СССР и другими социалистическими странами, с прогрессом в деле взаимопонимания и сотрудничества во всей Европе.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В. Нечитайло. БРИГАДИР ЛЮБОВЬ ЛЫСАЧЕНКО. Из серии «Труженики Кубани».

Выставка «Московские художники к 50-летию образования СССР».

Д. Косьмин. КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС.

Выставка «Московские художники к 50-летию образования СССР».

ПАВ ПРОТИВ ТУМАНА

Гольфстрим — теплое течение, идущее из Мексиканского залива в Арктику,— одновременно и благо и зло для Кольского побережья. Теплая вода, не дающая арктической стуже сковать море льдами, соприкасаясь с холодным воздухом, становится источником постоянных плотных туманов. И получается: благодаря Гольфстриму Мурманск стал северной столицей рыбаков и незамерзающим морским портом, и Гольфстрим же, делая Мурманск одним из самых туманных мест на земном шаре, оказывается причиной частых помех для плавания в этом районе.

А нельзя ли «подправить» Гольфстрим и каким-нибудь образом избавиться от создаваемых им туманов?

По мнению ученых, решение это в том, чтобы отделить друг от друга холодный воздух и теплую воду. Нужно только найти подходящий материал для такой необычной перегородки.

В Украинском гидрометеорологическом НИИ провели эксперименты с ПАВ — поверхностно-активными веществами, получаемыми из отходов производства моющих средств. Растекаясь, поверхностно-активные вещества образуют пленку толщиной в одну молекулу.

Предварительно смешав «упаковочный материал» с небольшим количеством воды, украинские ученые приготовили суспензию с помощью ультразвука, дробящего вещество на мельчайшие — микронные и еще более мелкие — частицы. Результат: растекаемость возросла во много раз.

В Кольском заливе с судна Мурманской гидрометеослужбы покрыли пленкой несколько «экспериментальных» участков моря. И через считанные минуты образовались просветы, видимость увеличилась в сотни раз.

Теперь на очереди разработка таких веществ, которые давали бы пленку, не разрушаемую волнами и ветрами и надежно разделяющую теплую воду и холодный воздух в течение многих часов.

МЕХАНИЧЕСКАЯ КОРОВА

«Что у коровы на языке, то и в молоке». По-видимому, такой идеей руководствовался создатель «механической коровы», сооруженной недавно в Англии. Внешне мало похожая на свой живой прототип, механическая корова мощными механическими челюстями пережевывает траву, клевер, капусту. Конвейер подает эту массу в центрифугу, в которой жидкость отделяется от волокон. Полученный сок очищается и осветляется, в него добавляют растительное масло, сахар и некоторые другие вещества. После тщательного перемешивания и пастеризации продукт готов к употреблению. «Удойность» механической коровы огромна: перерабатывая одну тонну корма, она производит около 700 литров растительного белкового молока — ценного корма для скота.

КАК ОПАСНО ПРИГРЕВАТЬ БАКТЕРИИ

Трехэтажное здание, пристроенное в 1962 году к одному из небоскребов в Оттаве (Канада), стало ареной поистине таинственных явлений: постепенно приподнимались плиты перекрытий, трескались перегородки. Несколько раз обрывались телефонные кабели. Наконец ученые взялись выяснить, какой же злой дух поселился в доме. И выяснилось, все это проделки не одного, а миллиардов злых духов, поселившихся не в самом здании, а в грунте под ним. Духами этими оказались бактерии.

Отопительная система дома, прогревая грунт, содержащий серные соединения, создала идеальные условия для размножения так называемых серобактерий. В результате их жизнедеятельности прочный, твердый грунт постепенно превращался в рыхлую, пористую породу, занимавшую гораздо больший объем. В результате за три года уровень земли под домом поднялся больше чем на 5 сантиметров.

Зная, что серобактерии как огня боятся щелочи, ученые подняли уровень подземных вод, в которые предварительно ввели каустик, и «утопили» бактерии в этом растворе.

ШУМИТЕ — И ЗАПОМНИТЕ

Все убеждены: шум мешает работать! Однако многие школьники и студенты не только предпочитают заниматься в шумных аудиториях, но даже иногда специально включают радио. Это обстоятельство побудило английских медиков предпринять опыты, которые должны были дать ответ на вопрос: как влияет шум на заучивание и запоминание?

Студенты, которым надо было запомнить произвольные сочетания цифр и слогов, разбились на две группы. Одна группа рассматривала диапозитивы со знаками при сильном шуме, другая — в полной тишине. Потом, глядя на цифры, студенты должны были вспомнить соответствующие слоги.

И что же оказалось? В первый день верх одержали студенты, занимавшиеся в тишине: они запомнили больше сочетаний. Зато на следующий день «шумные» студенты взяли реванш: они уверенно называли слоги, глядя на цифры. Выходит, если вам нужно запомнить немногое, но надолго — включайте музыку.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЗАМКИ И МАГНИТНЫЕ КЛЮЧИ

Многие подвиги Ганса Клоса, героя польского многосерийного телевизионного фильма, удавались только потому, что на сейфах, в которых хранились секреты третьего рейха, не было электронных замков. Появившиеся сравнительно недавно, эти замки превращают дверь прямо-таки в мыслящее существо. На смену обычному ключу с бороздками и зубцами пришла пластмассовая пластинка, на которую нанесен неповторимо сложный, невидимый узор из магнитных линий. И только на этот узор «откликается» замок.

Полицейские детективы считают, что электронные замки открывают новую эру в методах хранения секретов. Например, пяти тысячам человек, работающим в здании с пятьюдесятью дверьми, можно выдать пластинки, внешне ничем не отличающиеся одна от другой. Однако магнитные узоры на них подобраны так, что каждый сотрудник сможет открыть лишь те двери, открывать которые ему положено по должности. Электронная дверь не только пропускает того, кого нужно, но и запоминает, кто и сколько раз проходил через нее.

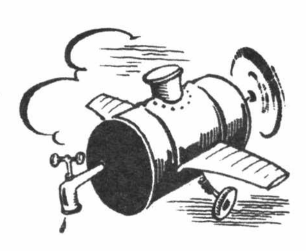

ГАЗОВОЕ ПОЛОВОДЬЕ МАРСА

С тех пор, как астрономы изучают Марс, их не перестают интересовать таинственные белые шапки на его полюсах. Летом они исчезают, зимой появляются вновь...

«Да это же полярные льды!— скажет любой человек, знакомый с географией.— Зимой они намерзают на полюсах, а летом тают, орошая водой тропические районы». Долгое время такого же мнения придерживались и ученые. Однако сведения, переданные на Землю автоматическими станциями, показывают, что на Марсе все обстоит гораздо сложнее. Прежде всего полярная марсианская зима гораздо холоднее, чем земная,— минус 110° С. Поэтому полярные шапки на Марсе состоят, по-видимому, из «углекислого снега» — хлопьев затвердевшего углекислого газа. При нагреве эти хлопья сразу превращаются в газ, минуя жидкое состояние, поэтому наступление лета на Марсе знаменуется не разливами рек, не половодьем, а мощными потоками углекислого газа, устремляющегося в атмосферу. Более детальное изучение показало, что шапки северного и южного полюсов Марса неодинаковы. Если льды северного полюса полностью исчезают летом, то на южном полюсе после испарения шапки, достигающей зимой трех тысяч километров в поперечнике, остается сероватое овальное пятно длиной около 30 километров. Ученые считают, что это небольшое пятно на южном полюсе Марса состоит из обычного «водяного» льда.

ЛЕТАЮЩИЙ ТАНКЕР

Аляска переживает сейчас вторую лихорадку — на этот раз нефтяную. Замешкавшиеся проектировщики трансаляскинского нефтепровода с огорчением узнали, что их неожиданным конкурентом стала авиационная фирма «Боинг», спешно проектирующая «летающий танкер» — гигантский самолет, который при взлетном весе 1 600 тонн сможет перевозить 900 тонн нефти. Двенадцать двигателей должны сообщать этой машине, размах крыльев которой — 135 метров, а длина фюзеляжа — 79, скорость в 500—600 километров в час.

Микола **ОЛЕЙНИК**

Подвиг Гри

Есть в этом человеке что-то мифическое. Не потому, что мы не знаем его родословной и до сих пор теряемся в догадках о месте и дне его рождения, нет, легендарностью овеяна сама личность Сковороды.

Рассказывают: когда Григорий Саввич, странствующий нескончаемыми дорогами Украины и Центральной России, заходил в село, это воспринималось как доброе предзнаменование, считалось особой честью пригласить его в хату, накормить, устроить на ночлег...

Его видели в стенах редчайших в то время академических библиотек, за профессорской кафедрой и... среди пастухов, пахарей, жниц...

Кто же он, Григорий Сковорода, чье имя, впервые запечатленное на скрижалях истории полуграмотным попиком Чернусской церкви 3 декабря 1722 года, не сходит с уст вот уже два с половиной века?

«Я — человек».

«Всегда блуждаю несчастными степями, колючими кустарниками, горными утесами, и буря над головой, и негде укрыться от нее. Но бодрствуй!»

Но бодрствуй!

Этот призыв в одинаковой мере адресован Сковородой и самому себе, и своим единомышленникам, и всем могущим его услышать. «Куй себе меч! Помни, что наша жизнь — это непрерывная борьба». В муках, страданиях родится «братство людей», «страна любви» без вражды и раздора. «Мы сотворим свет получший. Созиждем день веселейший». Ибо «счастье всем без выбора есть нужное».

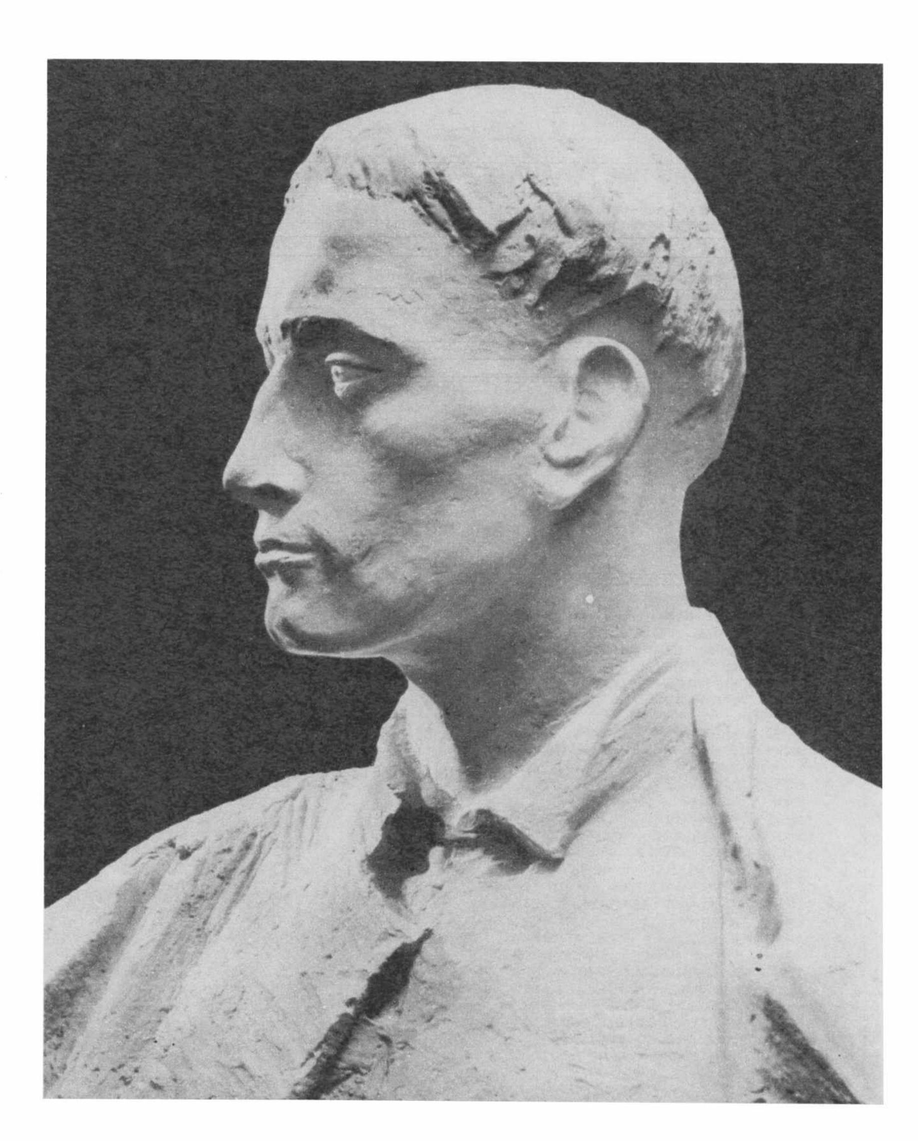
Вот он, преподаватель пиитики Переяславского коллегиума, сидит на берегу окаймленного вербами и осокорями Трубежа. Петляя меж низких в буйном травостое берегов, не спеша вдаль уходит река, за широкой поймой — поля, рощицы и буераки; оглушительно стрекочут кузнечики... Чело Григория Саввича нахмурено, в глазах сосредоточенность, он то и дело берется за сшитую из грубой синеватой бумаги тетрадку, что лежит возле, и четко, почти по-печатному пишет. На обложке тетради выведено: «Рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной».

Да, он создает пиитику. Простую и вразумительную, «совсем новую и точную» своим толкованием.

В чем же новизна «Рассуждения» Сковороды о поэзии? И почему в таких странных обстоятельствах он его сочиняет?

В том-то и дело, что автор поставил себе за цель оживить, как он выражается, «руководство к искусству» прекрасного, вывести его из заросших мхом церковных и монастырских стен, сделать общедоступным, близким народному языку и пониманию. Он и лекции проводит вот так, на природе, более того, приглашает на них лирников и кобзарей, зачастую играет сам — на сопилке, скрипке, бандуре... И тогда тихие, угрюмые классы коллегиума вдруг оглашаются непривычной здесь музыкой, звучат в них торжественные речитативы, народные думы о козацкой вольнице, правде и кривде, о счастье, кроме которого ничего «нет слаже для человека и нет нужнее».

Есть о чем подумать да поразмыслить учащимся! Потом он расскажет им о поэзии древнейших — Гомера, Эсхила, Овидия, Горация, о вечном Данте и его легендарной любви к Беатриче, о взглядах Аристотеля и Буало... О «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» Тредиаковского. О Ломоносове, сыне архангельского помора, академике. И пожалеет, что не привелось встретиться с Михайлом Васильевичем, когда был в Петербурге, в придворной капелле...

Портрет Григория Сковороды работы скульптора Г. Кальченко.

Нетрудно, конечно, догадаться, чем кончилось такое преподавание. Единственный, рукописный экземпляр «Рассуждения», очевидно, был изъят и уничтожен — о нем мы знаем только из воспоминаний, а сам учитель за «непристойные умствования» изгнан.

Пять лет живет он на хуторе Ковраи, близ Переяслава, у мелкого помещика, обучает его сына и — пока что для узкого круга — сочиняет стихи (позже он соберет их в книгу «Сад божественных песней»). Обучал Сковорода не только хозяйского сына (впрочем, впоследствии попечителя Московского университета), а и детей бедняков, пастухов. Он собирал их где-нибудь на лугу, в лесу, в поле, рассказывал о земных злаках, цветах, птицах, и неграмотная, печатного слова не видевшая детвора, разинув рты, слушала дивного сказочника. Вчера он поведал им о Хмельницком («...о муже избранне, Вольности отче, герою Богдане!») — ведь это здесь, на земле древнего Переяслава, сто лет назад украинский и русский народы провозгласили здравицу вечной дружбе; сегодня — об итальянце Джордано Бруно, сказавшем, что солнце вертится («Диво дивное!»), и живьем сожженном за это на площади...

Весть о мудреце, не гнушающемся бедняков, идет от села к селу, ее развозят на скрипучих своих мажах и чумаки, с которыми Сковорода непременно заводит душевный разговор, и слепые рапсоды, лирники и кобзари, особым чутьем учуявшие в нем своего человека... Григория Саввича приглашают на праздники и на советы старейшин, хотя ему едва исполнилось тридцать, друзья зовут его в Киев, Москву, Харьков...

В Харьков, пожалуй, можно. Коллегиум, профессорская кафедра. Опять пиитика. Среди церковников там есть и свои, единомышленники.

Но сначала в Москву. Когда-то еще представится случай, а тут давний друг предлагает поездку.

Белокаменная встретила путников суетою, туманами, частым перезвоном колоколов. Сковорода любовался Кремлем, постоял на Лобном месте, где некогда в назидание потомкам и в утеху московской знати четвертовали Степана Разина, подолгу рассматривал рублевскую иконопись в Троице-Сергиевой лавре.

...В Харькове все, казалось, шло хорошо. Он преподавал, ходил на знаменитые харьковские базары, где можно было навидаться и наслышаться всякой всячины, гулял с друзьями на Лысой горе, по берегам очаровательной Лопани. И много читал. Коллегиум имел богатую библиотеку, нельзя было терять удобного случая. Мир ведь полон открытий! Ньютонов закон земного притяжения, гипотеза о вращении небесных сфер Николая Коперника, закон сохранения материи и движения Ломоносова, электричество, циркуляция крови...

ГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Воистину мир — могущественная, далеко не познанная и не освоенная человеком лаборатория. Работы в ней несчетное множество. Прежде всего сорвать с нее религиозно-библейский саван!

Так, пока что в мыслях, лекциях, беседах-диспутах с учениками и друзьями Григорий Сковорода, воспитанник духовной академии, перед которым открывалась блестящая карьера, восстал против извечного теологического толкования и понимания Вселенной. Вскоре он напишет об этом — впрочем, он уже пишет! — в своих знаменитых философско-поэтических трактатах. Он считает себя эпикурейцем, богоборцем, упорно штудирует Спинозу, изгнанного и проклятого, блуждающего, как и он, по селам и зарабатывающего на пропитание, и идет дальше его, улавливает основной закон природы — борьбу противоположностей. В его тесную холостяцкую каморку ежедневно и еженощно приходят, спорят и древние — Сократ, Аристотель, Платон, и более поздние — Эразм Роттердамский, Декарт, и современники — Вольтер, Дидро, д'Аламбер, Монтескье, и оставивший добрую память учитель по академии Феофан Прокопович.

Сковорода чутко прислушивается к ним, соглашается, спорит, принимает, отбрасывает. На его столике только что начавший выходить под редакцией Новикова журнал «Трутень» с едкой сатирой на крепостников, сумароковская «Трудолюбивая пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости»... Пытливый ум ищет, сопоставляет, радуется и ропщет во гневе.

Ну, а что же там, за стенами коллегиума, библиотеки? Императрица Екатерина II «великодушно» утвердила универсал гетмана, ограничивавший — считай, запрещающий — переход крестьян от одного владетеля к другому. Немногим позже она — не ограничит, нет! — просто перечеркнет все и всякие универсалы гетмана, а самого его упразднит за ненадобностью.

Не поздоровится и Сковороде: он вынужден будет уйти в отставку, прекратить преподавание. Подслушивания да подглядывания, которыми не гнушалось руководство богоугодного заведения, оказывается, были не случайны.

Что ж, он никогда не рассчитывал на царскую добродетель. Однажды сбросив силком накинутый мундир из «зеленых сукон», он не собирался напяливать его вновь.

О мире! Мир бессовестный!
Надежда твоя в царях?..
Вихрь развеет сей прах.

Четыре года странствий дали Сковороде многое в понимании «исты», то есть сути жизни. «Счастье, где ты живешь?» — спросит он и в ответ услышит стоны, ропот да печальные песни кобзарей. «Дайте неимущему!» — гневно воскликнет мудрец, а в ответ изойдут одно другого жестче распоряжения, указы, законы, гласящие о новых и новых притеснениях.

Григорий Саввич, взирающий на землю «очами веры», восставал против тиранских на ней порядков. Восставал, конечно, словом, направляя свои полемические стрелы во стан крепостников, разрушая их лживую мораль о высшем и низшем слоях общества, провозглашая равенство людей, свободу как необходимое условие существования всего разумного.

«Боярская умность, будто простой народ есть черный, кажется мне смешной, как и умность тех названных философов, что земля есть мертвая. Как мертвой матери рождать живых детей? И как из утробы черного народа вылупились белые господа?»

Против дерзновенных мыслей Сковороды поднялись ревнители церкви, его обвиняли в богохульстве и пустозвонстве: дескать, ношу «свечу перед слепцами, а без очей не узреть свечи», «...звонарь для глухих, а глухому не до гулу». «Пускай острят! — отвечал Сковорода.— Они знают свое дело, а я знаю мое».

Авторитет ученого (при жизни его, конечно, так не называли) настолько возрос, что его опять, правда, уже иные лица, сочли возможным пригласить в Харьковский коллегиум.

Дело в том, что владетельницу всероссийской короны одолевала жажда просветительства. Отсюда и возникла идея создания при коллегиумах дополнительных классов для обучения дворянских детей. Им должны были вдалбливать основы христианского вероучения — катехизиса.

Сковорода принял приглашение: удобнейший случай поведать слушателям свои сокровенные мысли о Вселенной и Человеке! Изгонят? Возможно. Даже наверное. Но пока суд да дело, он успеет с в о е.

Его лекции-проповеди полны раздумий о единстве Вселенной, первичности материи («Вещество вечно есть»), о Человеке как центре мироздания. Он снова и снова ратует за равенство людей («Все люди произошли от единого материального начала — вечной материи, поэтому все равны»), восторженно говорит о примате разума. Здесь же создаются знаменитые «Басни Харьковские» — едкая сатира на паразитизм правящей клики...

Результат всего этого? Конечно же, отстранение. Курс «христианского добронравия» — так он назвал свои лекции — не пришелся по душе церковникам. И очень скоро. Если прежде Сковорода мог продержаться годами, то на сей раз ему едва удалось дочитать курс.

Блаженные времена!

Философ огорчен? Нет! «Мир ловил меня, но не поймал»,— скажет он не без издевки. Мир пресытившихся, ленивых, подлых — ему ли отдавать свои знания, вдохновенные минуты творчества?

И снова перед ним дорога, села Украины и России, задушевные беседы на пасеках да хуторах. «Этот сан как раз по мне». А вы, скажет Сковорода, обращаясь к ревностным служителям закона и церкви, «ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте». Он предпочтет жизнь честную, нестяжательную, полезную.

Годы странствий — наиболее плодотворный период деятельности Григория Сковороды. Свободный от всяких обязательств, кроме, конечно, одного, добровольно избранного — служить народу, он создает лучшие свои философские и поэтические произведения, ведет активную переписку с учениками, внушая им истинный смысл бытия. У него нет постоянного места жительства, он лишен семейного уюта — серая свита, чоботы про запас, несколько свитков собственных сочинений и сопилка — вот все его богатство. Пишет он где-нибудь в заброшенной хижине пасечника, на пне («...скоро надо будет уже не писать, а руки греть»), питается, попросту говоря, случайно, одевается в подаренное кем-нибудь из друзей. Но тайники его души, как живительные весенние источники, полны несметных духовных сокровищ. Ибо что такое богатство? Тлен. «Доброе братство лучше богатства». Создать новую общность людей, «царство любви» — вот настоящая цель жизни. Помни: ты Человек! Твое призвание не услужение «прескверному миру», а преобразование, перестройка его на началах доброты и равенства. Поэтому: «Прибирайся пахать землю, заготовлять для людей и скотов, водить стада или пчелы... Сего ожидает от тебя отечество твое...»

Хоть философ следом за Радищевым и Капнистом и откликается гневно на высочайший указ 1783 года о введении крепостного права на Левобережной Украине, меры его не идут дальше воспитательных. Исповедуемый им пантеистический взгляд на мироздание, обязательное разделение природы на два начала — «невидимое» (дух) и «видимое» (материя) — по существу, неосознанная дань идеализму. Но не хулить же за это Сковороду! Да, он не звал «к топору», подобно революционным демократам, но муза его обличала язвы крепостничества, не переставала клеймить церковников, учение великого гуманиста помогало увидеть истоки социального зла. Влюбленный в свою землю, в свой народ, Сковорода прививал ученикам безграничную любовь к отечеству, воспитывал истинных патриотов, подчинивших свои интересы служению родине.

«Сад божественных песней», «Басни Харьковские», многочисленные философские трактаты, устные притчи Сковороды исполнены глубокой веры в Человека — творца, созидателя, «в сродном деле трудящегося», клеймят праздность и ложь, раболепие и угнетение, будь то физическое или духовное.

Сын простого крестьянина, одержимый жаждой познания, человек исключительной твердости духа и убежденности, Григорий Сковорода не только постиг вершины современной ему философской науки, но во многих случаях пошел значительно дальше. Влюбленность в античность, некоторая «камерность» творчества не мешали ему разрабатывать глубинные пласты народной жизни, стать истинным, народным, интернациональным певцом. «Мудрому человеку весь мир есть отечество»,— говорил Сковорода, с умилением вспоминая «любезную Унгарию», Чехию и другие земли, где приходилось бывать. И прогрессивный мир принял его. Певцом восхищался Тарас Шевченко. Иван Франко, во многих своих философских трактатах идущий от Сковороды, назвал его «предтечей», «первым глашатаем глубокого гуманизма». Многое в его мировоззрении удивительно близко мне, признавался Лев Толстой и восклицал: какие прекрасные произведения! Поэтом из народа называл его М. Горький. И не случайно, конечно, одним из первых издателей и комментаторов творческого наследия Сковороды был ближайший соратник В. И. Ленина В. Бонч-Бруевич. А сам вождь мирового пролетариата В. И. Ленин, подписывая в труднейшем для молодой Советской страны 1918 году постановление Совнаркома о сооружении «памятников великим деятелям социализма, революции и др.», где имя Григория Саввича стоит в одном ряду с именами выдающихся деятелей мира, советовал, когда наступит время ставить памятник, «...разъяснить народу, кто был Сковорода, какое значение он имеет для жизни русского и украинского народов».

...В нескольких десятках километров от Харькова, в селе Сковородиновка (бывшая слобода Ивановка), неподалеку от знаменитого Муравского шляха, есть могила. Кованая ажурная ограда, надгробие из черного лабрадорита, тяжелая плита белого мрамора: «Григорий Саввич Сковорода». И эпитафия, самим же им сочиненная: «Мир ловил меня, но не поймал».

Мир крепостников, пытавшийся поставить его на колени, вынудить служить себе, не поймал Сковороду. Он пришел в мир иной, обновленный, мир «всенародного счастия», который предвещал, отстаивал, ради которого жил,— мир советский, социалистический.

Киев.

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ КОМАНДЕ

КАК 3 ЭТУ

Лариса ЛАТЫНИНА,
заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР

Мюнхен, 26 августа семьдесят второго года

Уже несколько дней как я рассталась с гостиницей «Людвигсхайм». Кельи-номера в этом бывшем монастыре, распятия на стенах, библии в тумбочках, горящие свечи в коридорах, может быть, подходят членам конгресса международной федерации гимнастики, а мне надо быть вместе с девочками. Вот я и в олимпийской деревне. Девочки уже легли. Спят ли? Завтра мы начинаем. Лина Астахова выведет их на помост, я же останусь в зале, на трибуне. А сейчас, ночью, я возвращаюсь в прошлое: сюда же, в ФРГ, на шесть лет назад. Зачем? Хочется вспомнить свое время в гимнастике? Нет. Сейчас действует другая связь времен.

Только Лина Астахова была со мною в Дортмунде в шестьдесят шестом. Люде Турищевой и Эле Саади в те дни было без чего-то четырнадцать лет, Любе Бурде — тринадцать, Тамаре Лазакович — двенадцать, Оле Корбут и Тоне Кошель — по одинадцать, а наша запасная, которая смотрит на все, приподнявшись на цыпочки и сияя улыбкой, яркой как солнце в ее родном Тбилиси, Нина Дронова в тот год вошла впервые в спортивный зал.

И все же я вспоминаю о Дортмунде и о многом другом, что предшествовало XX Олимпиаде.

Итак, шестьдесят шестой. Вестфаленхалле. В тот день наша команда впервые проиграла первенство мира... Впервые. Жестокое правило спорта: непобедимых команд не бывает.

Команды — многократные триумфаторы рождают мифы о своей непобедимости. И мифы живут. Но приходит время — проигрывают прославленные команды. Японские волейболистки. Канадские хоккеисты. Американские баскетболисты.

Можно сознаться: побежденные иногда плачут. Но не в этом суть. Говорят, побежденные должны молчать до поры до времени, как молчат зерна, брошенные в землю. Но приходит весна, и ростки пробиваются и зеленеют.

Да, мы проиграли. Пусть ничтожно мало, тридцать восемь тысячных балла. Позже, вспоминая этот жестокий урок, я находила множество разных причин, которые привели к поражению. Однако все они были похожи на оправдание. В спорте нашего времени часто решают ничтожно малые доли. Так случилось и в Дортмунде. И победа девушек из Чехословакии была справедлива. Главная причина —наша команда стала слабее команд своих предшественниц.

Семь раз подряд мы выигрывали до этого командное первенство на Олимпийских играх и первенствах мира. И вот восьмое выступление обернулось поражением. А вдруг это только первое в цепи «тощих лет»? Мучительный вопрос. И не найдешь ответа, не поняв, почему наша команда стала слабее.

По должности в сентябре шестьдесят шестого, может быть, и не должна я была задавать эти вопросы и искать ответы. В Дортмунде я выступала в последний раз и знала — без шансов на успех. С временем трудно бороться. В спорте оно бывает подвластным тебе недолго — в минуты победы да в часы после победы. А потом оно становится жестоким, несговорчивым противником, затем свирепым врагом.

Я решила выступать в Дортмунде, зная, что без Лины и меня команда будет слабее. И вот и с нами она оказалась недостаточно сильной. Побежденные должны молчать? А мы с Линой беседуем, разглядывая цветы, которые нам подарили в преддверии победы. Махровые гвоздики еще не увяли, а мы проиграли. Мы выходим на балкон и смотрим на освещенные контуры двухсотдвадцатиметрового большого Флориана. Огоньки на вращающейся площадке телебашни подмигивают успокаивающе: это пройдет. Когда? Сегодня не утешают ни гвоздики, ни еще зеленые деревца в парке, ни эти огоньки. «Вся природа побежденному человеку — поле, где была проиграна битва»,— писал Михаил Пришвин. Знаю, многие цитируют и другое: спорт учит не только достойно выигрывать, но и достойно проигрывать. Верно! Только первая часть изречения приятна, вторая — горька. Слова «горечь поражения», может, и стерлись от частого употребления, однако каждому проигравшему хватает горечи. Какой он, этот привкус поражения,— хинный, полынный или какой-то третий, вы все равно долго его будете ощущать. А надо избавляться от него как можно быстрее.

Итак, мы беседуем. Сначала о той команде, в которую я пришла в пятьдесят третьем, а Лина в пятьдесят пятом.

— Лина, помнишь, как мило Джугели встретила нас в Сухуми?

— Нет, Лора, это было до меня.

— Да, когда ты пришла, Галя Шамрай, Соня Муратова, Тамара Манина и я уже считали себя многоопытными. Потом, перед Мельбурном, Галка Шамрай получила травму. А мы все равно победили в Австралии.

— А затем в Москве,— напоминает Лина.

— И в Риме, в шестидесятом. Четырнадцать медалей из пятнадцати!

— И после Рима — успех в Праге,— продолжаю я победный перечень.

— Да, но тогда же, в шестьдесят втором, закончила выступать Лида Иванова, а в шестьдесят четвертом, перед самым Токио, Соня Муратова стала запасной,—вспоминает Лина.

— А после Токио ушли Тамара Манина и Тома Люхина,— напоминаю я.

— Так и не стало чудо-команды,— вздыхает Астахова,— и выходит, Лора, что не смогли мы передать девчонкам свое наследство.

— Да, это так, Лина,— соглашаюсь я,— но уж очень недавно встретились мы с этими девочками.

— Ты считаешь, что команды не получилось?

— Нет, команда есть, но не хватало ей чего-то. Даже не верится, что это случилось.

— Не верится. Но проигрывают же ребята японцам.

— Ребята... ребята. Они тоже должны выиграть, а уж мы-то подавно.

— Ты говоришь, Лора, «мы», но ты уходишь...

— Ухожу. А команда должна быть. Ты посмотри, какие хорошие девочки.

— Очень хорошие. Только им многому надо учиться,— напоминает мне Астахова.

Вот такой разговор, без решения и обещаний и, пожалуй, без ясных планов, состоялся у нас шесть лет назад в Дортмунде. А через несколько месяцев меня назначили старшим тренером женской сборной команды СССР.

* * *

...Я вхожу в комнату девочек. Мне кажется, я знаю, какой цветной туман снова опутал сейчас каждую из них. Наверное, это уже тренерская самоуверенность. И все же теперь для того, чтобы знать, есть кое-какие основания. А в первые дни моей тренерской деятельности?

Я пробовала комментировать личные тренировочные планы гимнасток. Рассказывала о деталях. Однажды меня спросили:

— Какая твоя основная концепция в тренерской работе?

Я молчала. На ум приходили только общие слова из учебника педагогики для физкультурных вузов. Уже после Мехико, когда я получила право говорить о команде-победительнице, я процитировала Михаила Светлова: «...Нужен... талант. Затем нужна... любовь, из которой рождается ненависть к нашим противникам твоей любви. Затем нужно мастерство. Затем нужно сохранять в себе состояние всегдашней работы». Я знаю, что эти слова Михаила Аркадьевича — о поэзии, но ведь подлинная гимнастика — тоже поэтический труд. Поэзия движений, как и всякая поэзия, многое может открыть в человеке.

И еще одно, самое главное и сокровенное. Каждый из нас в сборной знает, что вместе с другими он хоть чуточку да причастен к красоте, и силе, и славе нашей страны. Мы не так часто об этом говорим. Счастьем не хвалятся. А ведь это счастье, когда ты хоть немного можешь отдать Родине, которая тебе так много дала.

...Девочки спят. И тихо лежит Лина. Спит, не спит — не узнаешь. После того разговора в Дортмунде она еще больше года выступала за сборную, и это помогало и мне и другим тренерам. Когда Лина Астахова улыбалась девочкам, они не видели в этой улыбке ни капли снисходительности. Когда они поверяли ей нехитрые свои огорчения, она искренне горевала вместе с ними. Хорошо, что в семьдесят втором она вернулась в команду выводящим тренером, когда мы решали задачу со многими неизвестными: впервые в сборной команде страны появились гимнастки-школьницы, а молодой лидер команды неожиданно быстро закончил свои выступления.

Хорошо помню первый разговор о Наташе Кучинской. Зимой шестьдесят пятого года. (Пятнадцатилетняя Лариса Петрик уже была известна— выиграла чемпионат СССР.)

— Почему не привлекаете ее к тренировкам сборной?— спросили одного специалиста.

— Планируем,— ответил специалист.— Правда, перспектив у нее немного. Склонна к полноте. Да и характер...

ОВУТ ДЕВОЧКУ?

Задавал вопрос неспециалист в гимнастике, а отвечал знаток. Бывает и так в спорте, и я еще не успела по праву ветерана вступить в разговор и поддержать кандидатуру молоденькой гимнастки, как неспециалист решил:

— Хватит планировать на бумаге. Вызывайте Кучинскую.

И Кучинская, «перспектив у которой немного», в том же году стала абсолютной чемпионкой страны, потом повторила этот успех еще трижды, а в шестьдесят шестом дебютантка чемпионата мира завоевала три золотые медали, заняла второе место в многоборье.

Мы полюбили Наташу!.. Наташу нельзя было не любить. Видно было «душу живу» в каждом ее выступлении. И долго я не могла привыкнуть к контрасту: наверху, на помосте, — зрелый мастер, а внизу — маленькая девочка.

...Показательные выступления в Канаде проходили с громадным успехом. Во время одного из прямых репортажей по телевидению на Канаду и США бойкий молодой человек подскочил к Кучинской и спросил, нравится ли ей Канада.

— Хорошая страна, отличные люди.

— Вы готовы жить здесь?

Наташа посмотрела на «телебоя» и покачала головой.

— Для каждого человека лучшая страна — Родина. Я бы вам не предложила жить у нас, хотя лучшей страны нет.

Однажды, в шестьдесят седьмом, запоздалой весной в Румынии перед отбоем она декламировала Есенина:

И теперь вот, когда поостыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Она хотела решительно махнуть рукой в знак обладания этой дерзкой силой, но жеста решительного не вышло. И голосок ее дрожал. Другое серебро звучало в нем и в ее гимнастике.

...Наташка не приходит на тренировку. Ждем. Соня Муратова, наш хореограф Галина Владимировна Саварина, перебираем и в уме и вслух: что же могло случиться?

Так и не пришла. Почему? Новые вольные решили ставить на музыку Равеля. И она решила прослушать «Болеро» столько, сколько нужно, чтобы «самой представить себе все, все».

Одухотворенность Кучинской, может быть, послужила истоком для легенды: вначале в гимнастике все давалось ей легко, а когда пришлось трудиться, она убоялась и ушла. Нет, легко ей ничего не давалось, и труда Наташа не боялась. В этом плане лидер являл всей команде лучший пример. Тридцать восемь комбинаций в день — ее нагрузка перед Мехико. В два раза больше, чем у меня перед Токио!..

Когда я получала ее письма или открыточки, каждое слово в них было искренним. Так она говорила и с близкими и с подругами по команде. Но вот пришли дни, когда голос ее стал дрожать, к его серебру примешалось что-то чуждое.

Обычно винят славу. Слов нет, через это испытание не так уж легко пройти. Выходит

Лариса Латынина.

Фото А. Бочинина.

фильм «Натали», докучают ей письма и телефонные звонки. Спортивная слава порою на спринтерской скорости опережает героев. Мне уже приходилось писать, что славой знаменитые спортсмены неизбежно болеют, как дети корью. Самое опасное осложнение — стремление превратить славу в пожизненную ренту. Такого стремления у Кучинской никогда не было.

Однако есть осложнения хоть и не столь опасные, но неприятные: жажда шума. Такой шум начал нарастать вокруг имени Наташи Кучинской еще перед Мехико. В чем тут было дело? Может быть, в удачных выступлениях Наташи на мексиканской земле в шестьдесят шестом и шестьдесят седьмом годах? Может быть, на мексиканцев как-то особенно действовала ее улыбка, флюиды ее обаяния? До сих пор не знаю. Одно скажу: роль «невесты Мексики», навязанная ей, оказалась уж очень трудной перед ответственными соревнованиями. Яркий лидер, она притягивала людей. А нас волновали соревнования.

Сильная команда выдвигает сильного лидера, а яркая спортсменка придает особую окраску выступлениям всего коллектива. Пожалуй, в Мехико мы располагали именно таким сочетанием. И мы выиграли тогда, в Мехико. Мы победили с преимуществом в балл с небольшим. И не только это доказывало: команда сильна. Второе место Зины Ворониной в многоборье, золотая медаль Ларисы Петрик в вольных. А лидер? Наташа сорвалась на брусьях и потеряла балл и все же заняла третье

место в многоборье и выиграла золотую медаль на бревне.

Первая победа после Дортмунда и последнее выступление Наташи Кучинской в большой гимнастике. Она заболела, и мы остались без лидера. Горше, но правильнее сказать: потеряли лидера. И если уж слово «горше» сказано, надо говорить не только о болезни. Теперь мы признаем: Наташе не очень повезло с тренерами.

Знаю, эти строчки вызовут у них обиду. И вопрос: «А не вернее ли, что нам не повезло с ней?» Когда у Кучинской возник первый конфликт с тренером, когда я услышала, что Наташа грубит, то попросту удивилась. Конечно, спортсмены не ангелы. Вне зависимости от того, применяют ли они силовые приемы или исполнены их движения грации и нежности. Но Наташка, с ее любовью к стихам, цветам и к «братьям нашим меньшим» — лошадям, собакам, котятам?..

Тренеры... Они многому научили девочку в гимнастике. А в жизни? Проглядели тот момент, когда Наташа, отвечая на вопрос: вы счастливы?—задумалась и произнесла:

— Была счастлива, а теперь нет.

Всю жизнь тренеры не могут отвечать за судьбу спортсмена. Верно. Но бывают моменты, когда многое в их руках. Не смогли увидеть вовремя надлом. Вина тренеров? Наверное, беда. И моя в том числе. В марте шестьдесят девятого Наташе исполнилось двадцать лет. Синеватым весенним вечером в первый раз праздновали ее день рождения, как у взрослой. И хоть застолье было небольшим и нешумным, она стеснялась и только тогда, когда слышала что-то о своем будущем, вскидывала глаза,

— Понимаете, мне очень хотелось бы еще несколько лет пожить в таком времени, чтобы все любили меня и все мне прощали. Это детское желание. Правда? А детство уже окончательно, окончательно ушло,— сказала Наташа печально.

В тот день она не прощалась с гимнастикой. Летом того же года она писала мне: «Милая Лариса Семеновна... вхожу в форму. Хочется подготовиться к первенству Союза, учить новое. Тренироваться я буду по новой системе «маятника», я потом вам расскажу, Лариса Семеновна, что это такое».

Мы все ждали в зале Наташу. И не дождались. Был разговор в Ленинграде, когда она сказала мне: «Теперь все будет хорошо». А потом Наташа посмотрела соревнования и сказала: «Я не боюсь быть не первой. Но дальше что? Кому это нужно?» И она не стала выступать. Лидером пришла Наташа в команду, лидером ушла.

...Спят девочки. Команда наша через четыре года после Мехико окрепла. Семь девочек из семи городов России, Белоруссии, Узбекистана, Грузии. Завтра они наденут костюмы с буквами СССР. И с ними будет восьмая, с Украины, Лина Астахова. Она выведет на помост сборную команду Советского Союза.

Должны мы победить в Мюнхене? Должны! В семьдесят первом году в Нью-Йорке делегацию советских гимнастов принимали в Олимпийском комитете США. Секретарь-казначей Комитета, пожимая нам руки, сказал:

— По-моему, мы занимаемся лучшей политикой в мире — спортом. Сколько угодно международных сражений и никаких потерь!

Я, разумеется, согласилась.

Американский переводчик сообщил мне:

— У этого человека фамильное, наследственное право рассуждать о политике, ведь он внук президента Рузвельта.

— У меня тоже фамильное, наследственное право судить о политике,— ответила я,— мой отец погиб, защищая Сталинград...

Девочки спят. Цветной туман наших снов о Родине. В нем голубые переливы родного Днепра у Херсона, и шелест степного ковыля под Воронежем, и багрянец Витебских лесов, и зеленые фуражки пограничников неподалеку от Гродно. В этих городах — и в Москве, и Ленинграде, и Киеве, и Минске, и Ташкенте, и Грозном — и в сотнях других — да только ли в городах? — будут следить за нашим выступлением.

Завтра бой, который мы должны выиграть.

Продолжение следует.

Н. ЛЮБИМОВ,

заслуженный деятель науки РСФСР, участник Генуэзской конференции

СТРАСТНАЯ

Выдающийся дипломат-ленинец Георгий Васильевич Чичерин родился 12 ноября 1872 года в селе Караул, Кирсановского уезда, Тамбовской губернии. Чичерины — старинный род. Его основоположником считают Афанасия Чичерина, прибывшего в 1472 году в стольный град Москву из Генуи через Рим в свите Зои Палеолог, племянницы последнего византийского императора, вышедшей — под именем Софьи — замуж за московского царя Ивана III. Более подробных сведений — как попал Афанасий Чичерин в Геную, почему оттуда выехал, почему династия Палеологов включила его в свадебный кортеж столь знатной невесты, встречали ли Афанасия Чичерина по приезде в Москву какие-либо его родственники — исторические хроники не сообщают (по крайней мере автору этих строк они неизвестны).

А между тем настоящий демократ, исключительно скромный, всесторонне образованный и на редкость воспитанный человек, Чичерин, отнюдь не любивший говорить о своем происхождении, мог в нужный момент о нем напомнить такому сверхчванному собеседнику, как лорд Керзон, министр иностранных дел, возглавлявший британскую делегацию на конференции 1922—1923 годов в Лозанне. В точно обусловленное время Чичерин явился на встречу с Керзоном, который заставил Георгия Васильевича несколько подождать его прихода. «Сэр,— сказал Чичерин,— в будущем прошу вас не забывать, что фамилия Чичериных была внесена в столбовые списки на столетие раньше, чем фамилия Керзонов!» Так горделивый автор пресловутых «ультиматумов Керзона» был поставлен на место Г. В. Чичериным!

Детство сложилось не радужно — мальчуган подрастал одиноким, застенчивым. Любимым занятием было чтение старых дипломатических актов, хранившихся в домашней библиотеке Чичериных. Повзрослев, уже учеником тамбовской гимназии, Георгий много читает, особенно любит историю, литературу, понемногу знакомится с «запретными плодами» — сочинениями марксистов. Когда Юре исполнилось четырнадцать лет, его мать, овдовев к тому времени, переселилась в Петербург.

Поступив на историко-филологический факультет, Георгий изучал историю, литературу народов Запада и Востока, иностранные языки (в том числе и такие редкие, как ирландский), политическую экономию, искусство.

В 1898 году Чичерина зачисляют по его просьбе в архив министерства иностранных дел, где он без устали исследует документы внешней политики России, готовит к печати биографию видного русского дипломата и министра иностранных дел (с 1856 по 1882 год) А. М. Горчакова. Сидя в тиши архива, Чичерин чутко прислушивается к событиям поднимавшегося революционного движения и принимает участие в «крамольной» группе Нарбута, с которым подружился еще в студенческие годы.

Начальством Чичерина в архиве был известный историк Н. П. Павлов-Сильванский. В конце 1903 года царская охранка выследила группу Нарбута. Тогда Павлов-Сильванский и Нарбут посоветовали Чичерину покинуть без промедления родину. Так начался — до светлой зари Октября 1917 года — сложный и мучительно долгий период жизни и деятельности Чичерина за рубежом (1904—1917). В Берлине в первые годы эмиграции Чичерина-Орнатского (один из псевдонимов Георгия Васильевича.— **Н. Л.**) его марксистское кредо складывается, в общем, под влиянием воззрений Г. В. Плеханова; он близко знакомится с Карлом Либкнехтом и другими революционными деятелями. В 1908 году прусская полиция высылает Чичерина из Германии; в течение шести лет он живет во Франции, работает с Марселем Кашеном, впоследствии прославленным сенатором-коммунистом, знакомится с рабочей средой столицы, Лилля и других городов.

С началом первой мировой войны Чичерин из Бельгии пешком перебирается через нидерландскую границу и едет в Лондон, где ведет активную работу в клубе русских политкаторжан и других русских политических эмигрантов, желавших возвратиться в Россию. Полиция обвиняет Чичерина в ведении антисоюзнической пропаганды и даже «в шпионаже в пользу Германии»; Георгия Васильевича заключают в Брикстонскую тюрьму («узник № 6027») и освобождают 3 января 1918 года в обмен на британского посла в Петрограде Бьюкенена.

6 января 1918 года Чичерин выходит из прибывшего в Петроград поезда на площадь Финляндского вокзала. Его приветствуют трудящиеся революционной столицы.

В феврале — марте 1918 года «временный заместитель народного комиссара по иностранным делам» Г. В. Чичерин участвует в Брест-Литовске в переговорах с торжествующей немецкой военщиной о заключении мирного договора. «Нас заставили подписать, приставив ко лбу пистолет»,— подытоживает брестские переговоры Чичерин.

30 мая 1918 года Чичерин назначается народным комиссаром иностранных дел и занимает этот пост в течение двенадцати лет — по 21 июля 1930 года, когда ЦИК СССР удовлетворяет его просьбу об освобождении от работы вследствие резкого ухудшения здоровья.

К этому периоду относится и мое личное знакомство с Георгием Васильевичем. Особенно часто я вижу его с осени 1921 года по май 1922 года, когда в НКИД велась энергичная подготовка к международной конференции с западными державами — кредиторами царской России, и на самой конференции в Генуе. Более поздние встречи состоялись по вызовам к Чичерину в связи с вопросами конференций в Лондоне (1924 год), Париже

Г. В. Чичерин с группой советских дипломатов в Кремле.

ПРЕДАННОСТЬ

(1926—1927 годы), Женеве (1927 год) и другими поручениями наркома.

Наиболее авторитетное суждение о Чичерине, датированное 1 июля 1918 года, принадлежит В. И. Ленину: «Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить. Что его слабость — недостаток «командирства», это не беда. Мало ли людей с обратной слабостью на свете!»

Г. В. Чичерин действительно был очень скромным человеком, несколько рассеянным и, пожалуй, даже застенчивым. Вот несколько более ранних свидетельств людей, лично знавших Чичерина.

О своих встречах с Чичериным в 1909—1910 годах в Париже писала А. М. Коллонтай: «Все, кому пришлось работать с т. Чичериным-Орнатским, на всю жизнь сохранили самое светлое воспоминание о его кристально чистой личности, подававшей пример редкой трудоспособности и самоотверженности».

О лондонских встречах с Чичериным писал И. М. Майский (в книге «Путешествие в прошлое»): «Поздно вечером Чичерин возвращался в свою мансарду и, наскоро поужинав, принимался за ночную работу... В характере Чичерина было много благородства и страстной преданности делу... Он всегда старался все предусмотреть, обо всем позаботиться, ко всему быть готовым».

В моей памяти Г. В. Чичерин предстает как предельно скромный человек; среднего роста, с исключительно острым, проницательным взглядом, припухшими от непрестанного труда красноватыми веками. В последующем бывший посол США в СССР Дж. Кеннен писал: «Чичерин любил работать по ночам». Это не совсем точно, так как Георгий Васильевич работал также и днем; загадкой оставалось лишь то, когда он отдыхал... Отдадим должное и объективно правильному суждению Кеннена о Чичерине, который «никогда не щадил своих сил, не знал личной жизни, работал по 20 часов в сутки.., жил своей работой и страстно веровал в нее, выполнял ее со всей серьезностью, преданностью, самоотверженностью, обладал красноречием, которое могло бы пристыдить любого буржуазного государственного деятеля того времени».

Считаю долгом предоставить слово и соавтору наших общих воспоминаний о Генуэзской конференции, изданных в 1963 году, А. Н. Эрлиху, заведовавшему хозяйством и охраной советской делегации в Генуе: «Всегда мягко, но настойчиво и требовательно давал он свои распоряжения. Величайшая корректность в соединении с большой принципиальностью была характерной чертой в обращении Чичерина как с иностранными дипломатами, так и со своими помощниками. Высокая требовательность к себе и к другим, неисчерпаемая энергия, смелость и бесстрашие — органически присущие Чичерину черты. Всем работавшим с ним посчастливилось быть свидетелями многократного проявления этих замечательных качеств».

Осенью 1920 года, когда Георгию Васильевичу было уже 48 лет (а мне 25), по его указанию я был включен в состав комиссии по подготовке мирного договора с Польшей (заключенного затем в Риге 18 марта 1921 года) под руководством П. Л. Войкова. Немного сутулившийся, Георгий Васильевич давал свои советы очень приятным голосом, чуть-чуть нараспев. Еще подробнее и чаще я докладывал ему о ходе данного мне конфиденциального задания — подготовить к Генуе счет контрпретензий к державам, ответственным за интервенцию и блокаду. Эта моя работа была доложена В. И. Ленину О. Ю. Шмидтом и полностью одобрена Владимиром Ильичем.

Недавно мне посчастливилось еще раз восстановить в памяти события тех дней во время недавней поездки (в январе — феврале текущего года) в Рим — Геную — Милан.

Вот я нахожусь у парадного входа в старинный генуэзский дворец Сан-Джордано (сооруженный в XIII и реставрированный в XVI веках), вспоминаю, как полвека назад входил вместе с советской делегацией в «Зал сделок». С мест были слышны возгласы: «Большевики! Большевики!»

Чичерин произносит свою знаменитую, историческую речь, в которой с величайшей силой и яркостью излагает ленинскую программу мирного сосуществования государств с различным социальным строем и равноправного международного сотрудничества. Он предлагает миру программу разоружения и запрещения наиболее варварских способов ведения войны.

В день 100-летия со дня рождения дипломата-ленинца Георгия Васильевича Чичерина мы вспоминаем его с большой благодарностью и отдаем должное его беззаветному служению советскому народу — во имя идеи мира, безопасности народов и торжества марксизма-ленинизма.

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА...

Ю. ЛУШИН,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЖИВЕТ ЗДЕСЬ НАРОД СОВЕТСКИЙ

В бухте Постовой всегда тихо. Шторм и бури, которые случаются на море, достичь ее бессильны. Лиственницы, сосны и березы сторожат изумрудный покой, да мерно ходит внизу, почти у кромки воды, матрос-часовой. Бухта Постовая, Советская Гавань, край далекий, пограничный, восточный форпост нашей Родины. Восточнее лишь Сахалин да Курилы, но это острова, а край материка здесь. С каким-то новым удивлением и даже ревностью перечитал страницы «Фрегата «Паллады» И. А. Гончарова. Там есть строчки: «Что это за край, где мы? Сам не знаю, да и никто не знает: кто тут бывал и кто пойдет в эту дичь и глушь? Кто тут живет? Что за народ? Народов много, а не живет никто».

Вспомнил разговор с первым секретарем крайкома КПСС Алексеем Клементьевичем Черным:

— Что за край у нас — богатейший, привольный, раздольный. Вы спросите, чего у нас нет? Полезные ископаемые? Пожалуйста, какие хотите. Олово, железо, графит, золото. Леса? Пожалуйста, огромные запасы. Из каждых трех кубометров древесины, заготавливаемой на Дальнем Востоке, один кубометр наш, хабаровский. Пушнина? Пожалуйста... И соболь, и лиса, и белка, и колонок, и выдра. Промышленность — машиностроение, химическая, горнорудная, легкая, рыбодобыча... Уж на что край не считается сельскохозяйственным, но и тут за последние пятнадцать лет мы утроили размеры посевных площадей и собираемся увеличивать их еще: осваивать целину, проводить мелиорацию. Объем капиталовложений в народное хозяйство края возрастает по сравнению с предыдущей пятилеткой на шестьдесят процентов. Представляете? А народ какой у нас! Дальневосточный — знающий, умелый. Все ему под силу: добывать металлы и плавить сталь, создавать первоклассные машины и строить города... Посмотрите на карту. Хабаровский край — сплошная новостройка: от западных границ до Советской Гавани...

Сплошная новостройка! И, конечно, Советская Гавань не исключение. Не знаешь, чему здесь удивляться — то ли новым белокаменным районам со всем комплексом обслуживания, то ли порту Ванино, где все так грандиозно, масштабно, в том числе и сооружение новых, глубоководных причалов для паромной переправы на Сахалин. Ее будут осуществлять железнодорожные паромы-ледоколы, первый из которых уже спущен на воду. Оригинальная система крепления вагонов предохранит их от продольных перемещений во время качки. Сообщение будет круглогодичным с точностью расписания пассажирских экспрессов. Полный ввод в строй нового лесоэкспортного района с глубоководными причалами даст возможность перерабатывать ежегодно множество кубометров древесины. Масштабы...

Советская Гавань, бывшая Императорская. На дне ее нашел свой последний приют знаменитый фрегат «Паллада», затопленный в бухте Постовой в 1856 году, дабы не достался он объединенному англо-французскому флоту, грозившему этим берегам. И впоследствии были попытки врагов разных мастей посягнуть на эту землю, но всякий раз они терпели и будут терпеть крах...

С XVII века, со времен землепроходцев Василия Пояркова и Ерофея Хабарова, начал заселяться этот край народами России. Они же принесли сюда новый хозяйственный уклад, более высокую культуру, они прокладывали дороги в глухих местах, строили села и города, распахивали землю, они же защищали ее от притязаний иноземных захватчиков. Именно поэтому и исторически, и географически, и экономически Дальний Восток — органическая, неотъемлемая часть России.

«...кто пойдет в эту дичь и глушь? Кто тут живет? Что за народ?»

Живет здесь народ советский.

СТО ТЫСЯЧ «ПОЧЕМУ»

Полночь. Кромешная темнота, в которой короткими вспышками света зовет к себе, манит Шантарский маяк. Четыре секунды — вспышка, шесть — темно, четыре секунды — вспышка, шесть — темно. Так все время, если нет тумана. В туман включается ревун. Наше судно приближается к острову Большой Шантар медленно, здесь сильное приливно-отливное течение. На море штиль, лишь иногда зыбь отваживается качнуть корабль. Капитан Михаил Иванович Селин приказывает отдать якорь. Одновременно готовится к спуску железная посудина со странным названием «Дора», а в берег упирается длинный луч прожектора. Селин смотрит в бинокль, пытается понять, нет ли большой волны, наката. Теперь наша судьба, моя и Гены Копосова, в его руках. Смотрю в другой бинокль. По-моему, на берегу вообще ничего нельзя различить, но капитан остается доволен — наката вроде нет. Пока он не раздумал, грузимся в «Дору», и через пять минут судно остается позади, заботливо освещая прожектором то место, куда мы должны причалить. Там, по словам Селина, начинается дорога на маяк, единственная на острове.

А световые сигналы без устали летят в темень. Что-то нас ждет. Берег оказывается много дальше, чем я предполагал. Приближаемся. Волны здесь кажутся гораздо больше, с глухим шумом выбрасываются они на гальку. Накатик все-таки есть, и нельзя сказать, чтобы маленький. Пока возились с выгрузкой, волны развернули «Дору» бортом, мотор заглох, и посудину начало колотить о берег...

Мы бросились в воду, моментально промокли, пытаясь наперекор волнам столкнуть в море тяжелую корму «Доры». Но это ни к чему не привело, стихия оказалась сильнее нас, положение становилось угрожающим. Тогда мы кинулись к носу судна, поняв, что корму, где стоял тяжелый мотор, нам впятером все равно не осилить. Не знаю, сколько прошло времени, но под дикие бурлацкие вопли: «Раз — два, взяли, еще взяли!» — нам удалось наконец сдвинуть с места лодку и направить носом почти перпендикулярно волнам. И в этот самый момент новая волна играючи, легко и безжалостно бросила нас вместе с посудиной снова на берег. Наверное, она была не маленькая. В бессильной ярости поднимались мы с мокрого песка, отплевывая соленую воду. Наши силы иссякали. Но все же мы успели уже отведать пьянящий вкус победы, спортивная злость вновь толкнула нас вперед, и каким-то чудом мы поставили все же «Дору» носом к волне. Взревел мотор, и несколько минут бессильно летел из-под винта сырой песок. Потом большая волна подняла судно и словно нехотя потащила его в море. Склон горы заслонил вспышки маяка. Мы вдвоем остались в ночи и выглядели, вероятно, довольно нелепо со своими чемоданами и сумками, мокрые по пояс на пустом, незнакомом, черном берегу. Нас никто не встречал. Может, они не получили радиограмму и нас не ждут?

Мы не знали, что в это самое время на маяке били палками в тазы, ведра и другие громкие предметы, кричали, но мы не могли услышать: шум прибоя властвовал над всеми

Смелый Саша из порта Маго.

На дне этой бухты покоится легендарный фрегат «Паллада».

На развороте вкладки:

Великий, или Тихий, океан.

Окончание. См. «Огонек» №№ 47, 48.

СМЕЛЫЙ

звуками. Мы не знали, что мужская половина маяка отправилась на охоту, а женщины просто испугались идти в темень восемь километров. И правильно, между прочим, сделали. Мы развели костер и принялись сушиться, чтобы утром в сильнейший туман двинуться вверх по единственной дороге к маяку.

Это оказалась не дорога, а сущее наказание. Дождевая вода размыла ее. Местами ручей бежал прямо по дороге, и тогда она изображала собой уютную речку в зеленых берегах. Да, по ней мог пройти, и то с трудом, только трактор, с нетерпением, к слову, на маяке ожидаемый. Трактор и продовольствие, которое завозят осенью один раз на весь год.

Туман скрывал от нас красоты и достопримечательности островов, к которым мы так рвались. Туман, кажется, и был основной достопримечательностью. По крайней мере из десяти дней я запомнил солнечных только полтора. Маячное хозяйство оказалось скромным. Кроме, собственно, маяка, два больших жилых дома с печами, кухнями и отдельными комнатами, банька и склады с продовольствием, инструментами, горючим и т. п. В одном доме мы поселились, в другой, чтобы не обидно было, ходили обедать. Обеды были похожи друг на друга, как туманные шантарские дни: гречка или макароны с тушенкой. Все тут ждали корабль с продовольствием, а его не пускали сюда все те же туманы, да еще неведомые нам далекие циклоны с нежными женскими именами. Его ждали уже с начала августа или с конца июля. Я видел этот корабль на рейде в Николаевске, а также груженую баржу, готовую к отплытию. В барже хрюкали поросята, кудахтали куры. Хмурые люди, им давно надоело ожидание, удили рыбу прямо с борта баржи.

У бригадира Бориса Вана множество учеников и последователей.

У самого Охотского моря.

Михаил Чувахин — начальник маяка Большой Шантар.

Отзвук истории.

Студент-ихтиолог Виктор Харитонов на практике.

Таежные ягоды.

Всегда на посту.

«Орбита» — это живая связь со всем миром.

Они готовились сменить две семьи, уезжавшие с маяка после пятилетнего пребывания на Большом Шантаре. Третья оставалась, у них-то мы и обедали. Каждый раз глава семьи и начальник маяка Михаил Васильевич Чувахин, усаживаясь за стол, вопрошал с важным видом:

— Ну, мать, чем нынче нас порадуешь?

— Все тем же,— отвечала его жена Вера Егоровна, добрейшая женщина, и краснела, будто была повинна в однообразии меню.

— Дела-а, — говорил Михаил Васильевич.

И начиналась излюбленная беседа на злобу дня — когда придет корабль. Впрочем, перспектива на продолжение этой темы сразу же улетучивалась, как только он объявлял сводку погоды, полученную из Николаевска: снова штормовое предупреждение.

— Скажите, пожалуйста, а здесь совсем тихо. Почему так в природе устроено? — изумлялся он. И следовал еще добрый десяток самых разных, иногда просто невероятных «почему». Обеды получались занимательными, но я выходил из-за стола, как после трудного экзамена.

Женился Чувахин вскоре после войны. Время было трудное. Свадебное платье невесте Чувахин шил сам (Вера Егоровна утверждала: лучшего не носила и позже), себе праздничные брюки — тоже сам. Кстати, под новый, 1974-й год они будут здесь, на Большом Шатаре, справлять свою серебряную свадьбу и уже готовятся к ней. В те же послевоенные годы всю обстановку для квартиры — стулья, шкафы, кровать — он опять же сделал собственными руками. Потом окончил техникум и стал радистом. Объездил с геологическими и геофизическими партиями всю Камчатку и Дальний Восток, научился шоферить, управлять трактором, охотиться на медведя, слесарить, косить сено, ходить за скотом... И всюду рядом с ним шла его жена. Они вырастили пятерых детей — трех сыновей и двух дочек. Девочки еще учатся, один сын строит Усть-Илимскую ГЭС, второй работает в Советской Гавани, а третий приехал с отцом на маяк. О нем Чувахин так сказал:

— Володька семь классов окончил и заленился. Почему? Ладно, я из него человека сделаю. Годик тут по сопкам погоняю, а следующим летом отправлю кораблем в интернат доучиваться...

Последние годы они жили в Комсомольске-на-Амуре, а потом что-то снова сорвало их с места, заставило продать дом и ринуться на край света, в неизвестное. На остров они попали в конце июня. На маячных огородиках тянулась вверх редиска, лучок, картошка, которая, говорят, успевает вызревать. Я был там в конце августа, ростки ее поднялись сантиметров на пятнадцать, и морозы были уже не за горами. В июне же на море плавали еще кое-где куски льда, дорога местами тоже блестела льдом, в густом стланиковом кедраче сохранился снег, но на солнцепеке буйно шли в рост травы. Михаил Васильевич уже успел узнать от кого-то, что на острове есть такие травы, каких нигде в другом месте нет. На маяке им понравилось...

Каждый день я выхожу на крутой, обрывистый берег, смотрю на дальние острова и ближние скалы, жду. Нас обещали снять с острова вертолетом... при наличии погоды. Но этого «наличия» как раз и нет. Говорят, тут можно ждать хорошей погоды неделями и месяцами. Чувахин посмеивается, тащит нас то на ловлю крабов, то зовет удить в ближней речке (подумаешь, какие-то пятнадцать километров) гольцов. Сам он между дежурствами на маяке занят сборкой радиоприемника, который хочет заставить работать на постоянном токе.

Я сочинил гениальный стишок:

Остров невезения, остров неудач,
Вечно тут погода — хоть ложись и плачь.

Попахивает плагиатом, но вторая строчка от души. Копосов снимает туманы. Это можно делать бесконечно. Потому что они ежеминутно меняются, как причудливые декорации в огромном театре. Жаль, вот зрителей маловато.

Погода сегодня менялась за день не знаю сколько раз. С утра пошел дождь. Потом выглянуло солнце, погрело эту суровую землю не более двух часов. Потом туман снова забросал грязной ватой дальние острова и вершины, опять пошел дождь, но солнце не хотело сдаваться — снова прорвалось сквозь тучи. Такая борьба шла до самой ночи.

А утром пришел вертолет, и мы улетели. В Николаевске-на-Амуре нам стало известно, что как раз в этот день на Большой Шантар вышел наконец корабль с баржей. То-то Чувахины обрадуются...

ПРИМЕТЫ ЛЕСНОЙ ДЕРЖАВЫ

...На рейде в очередь стояли японские лесовозы — ждали погрузки. Рейд работал без выходных, как крестьяне в уборочную страду. Сезон короток — только лето, надо торопиться. Краны подхватывали огромные кипы первосортных бревен и осторожно, я бы сказал, нежно укладывали их в трюмы лесовозов. Удивительно, что в наш век пластмассы, стекла, стали, бетона и алюминия спрос на древесину не только не падает, но возрастает во всем мире, а цены на нее повышаются. Оглянитесь вокруг себя, и вы обнаружите, что буквально окружены изделиями из дерева. Мы просто не замечаем этого. Железная дорога, например, по существу, деревянная, потому что ее шпальное хозяйство превышает по объему металлические детали пути. До четырех тысяч кубометров леса расходуется при сооружении

океанского лайнера, этого стального гиганта. Как раз полная загрузка одного японского лесовоза, такого, как «Кейхан мару» из Осаки. Надо ли говорить, каким превосходным сырьем является древесина для химической промышленности...

СССР — лесная держава. Только в Хабаровском крае леса занимают площадь в 428 тысяч квадратных километров и содержат запасы древесины, оцениваемые в пять с лишним миллиардов кубометров. Колоссальное богатство!

...Главный инженер рейда Станислав Федорович Зубанков подвел меня к большому лесовозу, на корме которого было написано иероглифами и по-английски «Кейхан мару номер семь Осака». Погрузка его уже заканчивалась, и мне хотелось задать представителю фирмы несколько вопросов. Появился худощавый, улыбающийся, чрезвычайно вежливый, неопределенного возраста японец — Токио-сан. Он говорил по-русски.

— Какую фирму вы представляете, Токио-сан? — спросил я его.

— Фирму «Тойеменко».

— Довольна ли фирма советским лесом?

— О да, ваш лес высоко ценится в Японии. К тому же работа хорошо организована и рабочие квалифицированны, погрузка идет быстро. Если так пойдет дело, то вместо шести рейсов «Кейхан мару» сделает семь или восемь.

— Выгодно ли с нами торговать?

— Посмотрите сюда.— Вместо ответа он показал на очередь лесовозов на рейде.

АМУРСКИЕ КОРАБЕЛЫ

В техотделе Николаевского-на-Амуре судостроительного завода тесно, один к одному стояли кульманы. Прообразы кораблей рождались здесь в горячих спорах и кропотливом труде. Молодой инженер-конструктор Вика Васильевич Оненко, нанаец из маленькой амурской деревеньки Курун близ Найхина, приехавший сюда после окончания Комсомольского политехнического института, знакомил меня с историей предприятия.

Родился завод в советское время, незадолго до войны, и начал с постройки судов из дерева. Главной фигурой тогда был судовой плотник — мастер высочайшей квалификации, который простым топором мог творить чудеса. Это был деревянный век, короткий, о котором сам Оненко знал только по рассказам старожилов. Потом наступил век металла. Тогда начали делать суда посерьезнее. Теперь же перешли к выпуску больших рыболовных сейнеров, судов для перевозки леса в Японию, которые чувствуют себя вольготно как в реке, так и в море.

— Работать здесь очень интересно,— говорил Оненко,— потому что нам, молодым, многое доверяют, не лишают самостоятельности.

Потом в эллинге я видел новые корабли, которые возникли из расчетов и чертежей, сделанных Оненко и его товарищами. Там тесными рядами стояли сейнеры. Их было несколько — и все на разных стадиях готовности. Я прошел из конца в конец эллинга вместе с лучшим бригадиром судосборщиков Борисом Ивановичем Ваном, наблюдая, как из листов железа и непонятных поначалу конструкций возникает сначала остов, а потом и весь корабль. Это было похоже на сказку, но сказку творили обычные люди. Одним из них был Борис Иванович Ван, ульча по национальности, представитель небольшой народности на Нижнем Амуре, обреченной когда-то на медленное вымирание. Революция совершила чудо и спасла этот народ. В советское время и ульчи, и нанайцы, и другие малые народности на берегах Амура зажили полнокровной творческой жизнью. Они научились пахать землю и выращивать зерно, пилить лес и превращать его во всякие волшебные вещи, писать книги и строить многоэтажные дома, которые и не снились их предкам, рисовать картины и создавать современные корабли...

Нет, наверное, судна с маркой Николаевского завода, в котором не было бы частицы труда бригадира Бориса Вана. Он пришел на завод из ремесленного училища совсем зеленым юнцом. Был сварщиком, газорезчиком, разметчиком, сборщиком-монтажником и везде добился мастерства. Завод провожал его на службу в армию, откуда он снова вернулся сюда. А раз человек возвращается, значит, нашел то единственное для себя дело, в котором видит свое счастье. Здесь же, на заводе, его приняли в партию.

Бориса Вана на заводе знают все. Один получил в его бригаде путевку в жизнь, другой шел с ним рядом в праздничной колонне на демонстрации, третий с ним соревнуется и никак не может догнать, потому что его бригада постоянно перевыполняет планы, опережает время...

От эллинга я прошел к пирсу. Там покачивался на спокойной воде готовый к отплытию новехонький рыболовный сейнер «Норск», тоже спущенный раньше срока. Команда придирчиво осматривала его, но недостатков не обнаружила. В этом заслуга и молодого инженера-конструктора Оненко, и опытного бригадира Вана, и всего коллектива завода.

В парткоме мне показали телеграмму, полученную с большого рыболовного сейнера «Умелец»: «Благодарим за отличное судно. Считаем вас соавторами всесоюзного рекорда по вылову 57 тысяч центнеров сельди. Экипаж». После таких признаний горы можно свернуть.

Выхожу из ворот завода на зеленые улицы Николаевска-на-Амуре, подхожу на прощание к памятнику Г. И. Невельскому. Он стоит на высоком берегу реки и держит левой рукой подзорную трубу. Он мечтал пробудить к жизни далекую окраину России. Пошел вопреки признанным авторитетам, вопреки знаменитой по тупоумию резолюции царя Николая Первого: «Весьма сожалею. Вопрос об реке Амуре, как о реке бесполезной, оставить» — и доказал, что Сахалин — остров, а вход в Амур доступен для морских судов. Он основал город Николаевск-на-Амуре. За все это офицера флота Российского Геннадия Ивановича Невельского едва не разжаловали в матросы...

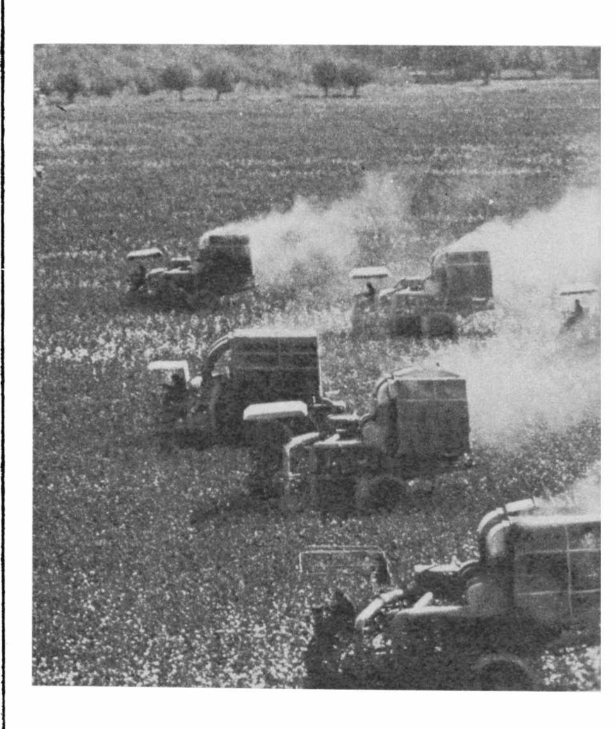
Он стоит на высоком берегу Амура, а мимо идут люди совсем другого поколения, другой эпохи. Эти люди претворили в жизнь его мечту и далеко ее обогнали. Это советские люди.

Вот и настала пора уезжать, а расставаться не хочется. Столько еще не увидено, о стольком еще не рассказано... Земля родная, как же ты велика и как прекрасна, как богата дарами своими, как славна делами народов, населяющих твои просторы. Земля родная, Дальний Восток.

Пусть твои сопки в туманах теряются,
Пусть ты далек от Москвы
белокаменной —
Близость сердец не верстой
измеряется:
Мужеством славных,
И доблестью пламенной...— сказал поэт-дальневосточник Степан Смоляков.

Близость сердец и общность судеб. И таджику, и эстонцу, и белорусу, и украинцу близка твоя судьба, Дальний Восток. Ибо и жаркий Таджикистан, и неброская северная красота Эстонии, и Дальний Восток — все это наша Родина, Союз Советских Социалистических Республик. Нерушимый союз!

БОЛЬШО

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

На экраны столицы вышла новая необычная кинокартина[1], поставленная на Центральной студии документальных фильмов.

Картина эта не может оставить равнодушным ни одно честное сердце. Она посвящена детям. Но не детям, радующимся голубому небу, лучезарному солнцу. Она посвящена детям, на которых с этого неба падают бомбы.

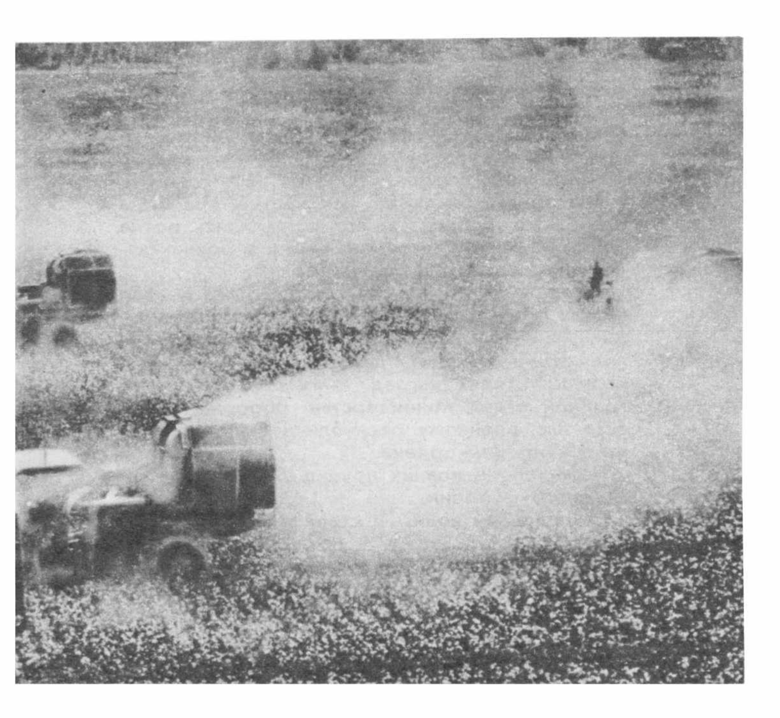
Потрясающей силой слова и правдой изображения фильм изобличает тех, кто убивает, кто возвел уничтожение детей, открытое и тайное насилие над другими народами в принцип своей внешней политики.

Кинофильм «Чужого горя не бывает...» не просто документальный фильм на крайне острую, волнующую все человечество тему. Это — политическое кинопроизведение, необычно простое, предельно сжатое, правдивое и искреннее, отличающееся высокой степенью эмоционального накала. Это подлинная поэма, как, впрочем, и назван фильм авторами. ...Поэма, захватывающая сознание, вызывающая глубокий гнев и всесокрушающий протест против бесчеловечных убийств, кровавых преступлений, которые не имеют права «происходить на земле ни сегодня, ни завтра, нигде и никогда».

Это фильм о детях страны, которая уже чет-

[1] К. Симонов «Чужого горя не бывает...» Режиссер М. Бабак. Операторы О. Воинов, Л. Копысов.

Й УРОЖАЙ

...И, несмотря на непогоду, холодную весну, ливни, выращен высокий урожай хлопка, без потерь проведена уборка, выполнены социалистические обязательства. В год 50-летия образования СССР наши хлопкосеющие республики одержали большую трудовую победу.

Этой победе и посвящен новый полнометражный документальный фильм «Белое золото страны», созданный на Центральном телевидении В. Егоровым, К. Подлазовым и режиссером В. Сосновским. Фильм рассказывает о трудной профессии хлопкоробов, о том, как на помощь искусным рукам сборщиков пришли машины. Белым золотом, трудным золотом называют хлопок в Каракумах. А можно ли было представить, что когда-нибудь в мертвых, тусклых этих песках вырастет нежный, пушистый хлопок? Что придет в Каракумы вода?.. Долго будут помнить поколения туркменов радостный, ликующий клич: «Канал пришел!»

Узбекская республика давно славится своим хлопковым хозяйством. В этом году на заготовительные пункты Узбекистана доставлено 4 600 тысяч тонн хлопка-сырца. Такого высокого урожая в республике еще не бывало. Машины, сотни, тысячи машин вышли на хлопковые плантации. Московские самосвалы и автокраны, минские МАЗы, ленинградские и свердловские экскаваторы, харьковские и волгоградские тракторы, челябинские бульдозеры — вся страна участвовала в битве за хлопок.

Фильм «Белое золото страны» показал гигантский размах ирригационных работ, освоения новых земель и мелиоризацию их. Все то, что необходимо для выращивания хлопка, что предшествует рождению его. Телезрители познакомились с героями хлопковой страды: депутатом Верховного Совета СССР Э. Алиевым, делегатом XXIV съезда КПСС А. Сулеймановым, одной из первых женщин-механизаторов Туркмении, О. Амангельдыевой, с бригадиром таджикского совхоза «Ильич» Р. Джалиловым и другими.

В своем выступлении на собрании партийно-хозяйственного актива хлопкосеющих республик Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал, что необходимо сделать все, чтобы республики, занимающиеся хлопководством, как можно скорее почувствовали помощь и подняли производительные силы и производительность труда на селе. Кинокадры запечатлели это выступление Леонида Ильича Брежнева, встречи его с хлопкоробами, тружениками сельского хозяйства.

Работники Центрального телевидения и республиканских студий выезжали на хлопковые плантации, в колхозы и совхозы, побывали в местах, отдаленных друг от друга тысячами и тысячами километров. Мы увидели, как миллионы наших тружеников, наших соотечественников сражаются за «белое золото» страны. Мы свидетели их победы.

Н. ЗЕРНОВА

верть века почти не знает другой жизни, кроме войны, и которую американские интервенты хотели бы превратить в страну без будущего.

Огненный дождь, дождь из фугасных, зажигательных и шариковых бомб, рассчитанных на уничтожение всего живого, идет над Вьетнамом уже двадцать шесть лет, то с длинными, то с короткими перерывами.

«...Многое из того, что я помню,— слышим мы голос Симонова,— мне бы хотелось забыть, но я не могу, не могу, пока этот дождь продолжает идти над Вьетнамом».

С экрана звучит речь писателя-коммуниста, только что вернувшегося из Вьетнама и невольно сопоставляющего то, что он видел там, со страшными картинами, свидетелем которых ему уже доводилось быть.

«Когда мне было двадцать,— рассказывает он,— итальянские фашисты бомбили детей Абиссинии, и я это помню. Когда мне было двадцать один, немецкие фашисты бомбили детей Испании. И я это тоже помню. Когда мне было двадцать два, японские самураи бомбили детей Китая, и я хорошо помню, как это было. Когда мне было двадцать четыре, фашистские бомбы падали на детей Польши. Мне было двадцать пять, когда эти бомбы сыпались на детей Англии и когда они валились с неба на детей Франции. Разве я могу вынуть все это из памяти?..»

«Мне было двадцать шесть и двадцать семь,— продолжает он,— когда немецкие фашисты всеми видами смерти убивали детей Белоруссии, Украины, России. Летом и зимой, весной и осенью. Утром и вечером. Днем и ночью...»

Кто же породил этот огненный дождь? Кто породил убийц и палачей, терзающих чужую землю, истребляющих чужих детей?

Фильм дает на этот вопрос предельно краткий и исчерпывающий ответ:

— Это сделал и это продолжает делать империализм.

По опубликованным в Америке подсчетам, убийство каждого человека во Вьетнаме — мужчины, женщины или ребенка — обходится в тридцать шесть тысяч триста шестьдесят три доллара шестьдесят четыре цента.

У каждого из двухсот миллионов американцев, включая грудных детей, было взято или отнято в среднем по шестьсот долларов на убийства, совершенные во Вьетнаме.

На все убийства, взятые вместе.

«Но те, которые убивают,— слышим мы голос автора,— не любят называть себя ни убийцами, ни палачами, а слово «империализм» любят заменять словом «прогресс»... И мы видим тех, кто убивает, и то, что означают действия тех, кто подменяет одно слово другим. Это струи напалма, пожирающего мирные хижины и зеленые леса, бомбардировщики и истребители, сеющие смерть, изуродованные, искалеченные дети и матери.

Ярко, образно, впечатляюще, сильно рассказывает фильм о мужестве народа, который не склонил головы перед зверем, не отступил, не пал на колени, а защищал, защищает и будет защищать своих детей с такой невиданной стойкостью и бесстрашием, которое мало с чем можно сравнить во всей истории человечества. Защищал и будет защищать свою свободу и честь, свое высокое национальное достоинство и завоеванное ценой огромных жертв право быть хозяином своей земли и своей судьбы.

Все передовое, прогрессивное человечество на стороне Вьетнама. И мы, советские люди, говорит фильм, мы все делаем и будем делать для того, чтобы помочь вьетнамцам прикрыть голову ребенка от ударов убийц, чтобы приблизить окончательную победу правого дела Вьетнама.

И делаем это не только мы, советские люди. Все честные люди земли везде и всюду, в том числе и в Соединенных Штатах, в одном строю с Вьетнамом.

Ю. РОМАНОВ

Кадр из фильма.

Гусейн АББАСЗАДЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

ЧЕТЫРЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ ПЕРВОЕ

Меня разбудил звонок. Вставать не хотелось. Полагая, что жена или дети отворят дверь, я повернулся на другой бок. Но звонок прозвенел еще раз, а открывать никто не шел. Зевая, я вылез из-под одеяла и в одних трусах поплелся в переднюю.

Отворив дверь, я увидел газеты, свернутые в трубочку и продетые в дверную ручку. Шаги почтальона доносились сверху, с пятого этажа.

Полно народу в доме, а открывать дверь вечно приходится мне, подумал я с раздражением. Впрочем, жена, наверно, ушла на базар, как всегда в воскресенье. И старшую дочь с собой взяла. Сын уехал на целый месяц в командировку (он у меня геолог, прошлым летом окончил институт). Взрослый человек уже, вполне самостоятельный, скоро вот женится и совсем уйдет из дому. А младшие дочки-близняшки заигрались, наверно, в своей комнате и не слышат звонков. Вон как хохочут, озорницы.

Я вернулся в спальню и в раздумье постоял у окна. Дождь как зарядил вчера утром, так и льет без передышки. Этот дождь и нарушил все мои планы. Собирался я сегодня рано утром поехать в Пиршаги, на дачу. Каждый год в такое время, в марте, я белил там комнаты, вскапывал грядки. Сосед-садовник, должно быть, уже приготовил для меня помидорную рассаду.

Но разве поедешь в такую паршивую погоду? Зима в этом году была необычно долгая, снежная, совсем не бакинская, и весна вот запоздала.

Дождь так и хлестал по стеклу. Когда же он перестанет наконец? Но даже если и перестанет сейчас, все равно уже нет смысла ехать на дачу. Поздно.

Не люблю, когда что-то мешает выполнить задуманное. Портится настроение, и нет охоты приниматься за другие дела...

Я развернул газеты, из них выпал конверт с красно-синей окантовкой. Я поднял его, посмотрел на обратный адрес — писал мне из Саратова какой-то Чепурин.

Я вскрыл конверт, начал читать.

«Дорогой Бедир, здравствуй! Ты, наверно, давно меня забыл. Шутка ли, целых двадцать восемь лет прошло с тех пор, как мы виделись последний раз! Напомню о себе: Павел Алексеевич Чепурин, родом из Сибири. В сорок первом мы с тобой были курсантами в полковой школе, а потом нас взяли в авиацию стрелками-радистами. Я был тогда блондином (теперь-то волос почти не осталось). Ты и твои друзья-бакинцы называли меня на азербайджанский лад — Паша́. Ну, вспомнил теперь?..»

Пашка Чепурин! Паша́! Еще бы мне не помнить тебя, старый товарищ, богатырь-сибиряк! Разве можно забыть те годы?

Со жгучим интересом я продолжал читать:

«Ты, наверно, удивишься, Бедир, почему я решил тебе написать и откуда узнал твой адрес. Объясню. На днях я смотрел здесь, в Саратове, передачу центрального телевидения. Передавали очерк о нефтяниках Каспия, и там среди прочих работяг я увидел человека, похожего на тебя. Вначале я подумал: мало ли что может померещиться! Но потом тебя показали во весь экран, и диктор назвал тебя: «Мастер бурения Бедир Фарзулла-оглы». И у меня не осталось сомнений. Мне захотелось тебе написать, и я — не без труда — дозвонился в бакинское справочное бюро и узнал твой адрес.

Ох, и обрадовался я, когда увидел тебя на экране! Я ведь думал, что ты погиб тогда, в сорок втором, когда ваш самолет был сбит над Брянскими лесами.

А я по-прежнему служу в авиации. Дослужился до полковника. Женат, двое детей. Полысел, поседел. Между нами говоря, ты сохранился куда лучше, чем я. Немного располнел, отпустил усы, но, в общем, все тот же Бедир, почти не изменился. Не сглазить бы, ты выглядишь лет на тридцать, хотя знаю, что тебе под пятьдесят.

Я очень рад, что ты стал знатным нефтяником и тебя показывают на всю страну. Напиши о том, как живешь, с кем из наших общих друзей-бакинцев встречаешься? Дай им мой адрес, пусть они тоже напишут о своих делах. Пока все. Жду ответа. Передай привет своей семье.

Твой фронтовой товарищ Павел Чепурин».

Молодец, Паша́, что написал, что вспомнил. Нельзя нам забывать друг друга...

Я почувствовал угрызение совести оттого, что много лет уже не виделся с прежними товарищами по полковой школе связи, а ведь их, вернувшихся живыми с войны, можно пересчитать по пальцам. Я говорю о бакинцах. Живем в одном городе, а не встречаемся годами...

Постой, когда же это было? Ну да, в начале сорок шестого. В январе или феврале первого послевоенного года. Я работал и учился в вечернем техникуме, и вот однажды, когда я поздним вечером пришел домой, мать протянула какую-то бумажку. Это была повестка из республиканского военкомата. Вызов показался мне странным: у меня теперь была ограниченная годность. В самом конце войны, уже на немецкой земле, за Одером, я был тяжело ранен. С конца апреля до августа провалялся в госпиталях, чудом избежал газовой гангрены, штопали меня, штопали хирурги, в общем, повезло: отделался рубцами, а руки-ноги сохранил. Ну, и голову тоже, конечно. А вскоре после выписки из госпиталя, в сентябре сорок пятого, меня демобилизовали, определив инвалидность третьей группы. Я получал пенсию в собесе Октябрьского района. Чего теперь понадобилось от меня военкомату, да еще не районному, а республиканскому?

На следующий день я приехал к назначенному часу в военкомат. Там собралось десятка три вызванных, как и я, солдат и офицеров, — кто был в форме, а кто в штатском. И какова же была моя радость, когда я увидел среди них моих фронтовых друзей — Джалала, Сейрана и Ниджата! В сорок первом нас призвали в один день, мы вместе были в полковой школе связи, а потом — в авиационной части, а в мае сорок второго военная судьба развела наши дороги.

Мы обнялись крепко, как братья. Мы были рады, что уцелели и вот встретились после войны, и мы были молоды, еще все можно было успеть сделать в жизни.

Нас принял военком. Оказалось, что вызвал он нас по радостному поводу: все мы награждены боевыми орденами, но по тем или иным причинам — ранения, переформирования — не получили своих наград. И теперь, когда наградной отдел Министерства обороны разыскал нас, военкому республики было поручено вручить нам ордена.

Пожилой полковник вручил Джалалу орден Красного Знамени, мне и Сейрану — ордена Отечественной войны II степени, а Ниджату — орден Красной Звезды и поздравил нас с высокими наградами.

Мы вышли вчетвером и решили отметить это дело. Денег у нас оказалось негусто, но все же наскребли немного и подались в ближайший ресторан. Тогда, если вы помните, была еще карточная система. Коммерческие же цены были очень высоки, и нам пришлось довольствоваться пивом и самыми дешевыми из закусок.

В ожидании заказа мы говорили наперебой и засыпали друг друга вопросами, и я рассказал, где и как мне довелось воевать после того, как сбили мой самолет.

И, как встарь, Сейран смешил нас своими шуточками. Он знал уйму анекдотов, причем никогда не повторялся. Он их сам придумывал, насмешник. Бывало, произойдет с кем-нибудь в роте смешной случай, и в тот же день у Сейрана готов анекдот.

А Джалал, как всегда, помалкивал и курил, курил... Кончит одну папиросу — закуривает следующую. Его, помню, в роте прозвали кочегаром за то, что он вечно дымил. Он никогда не вмешивался в споры, не высказывал своего мнения. По правде, эта его манера мне не очень нравилась, потому что нельзя было понять, что у него на уме. Вот и сейчас — он молча покуривал, слушая нас, и улыбался.

Вспыльчивый Ниджат был как бы прямой противоположностью Джалалу. Чуть что, он взрывался, как порох.

— Безобразие! — ворчал он, ерзая на стуле и поглядывая в сторону буфета.— Заснула, что ли, эта официантка? Смотрите-ка,— он кивнул на соседний столик,— они позже нас пришли, а уже выпивают и закусывают на полный ход, скоро расплачиваться будут. А мы сидим, как дураки...

Ниджат вскочил было, чтобы идти ругаться

с официанткой, но я положил руку на его плечо и заставил сесть.

— Сиди, Ниджат,— сказал я.— Нам же некуда спешить. Сколько времени мы не виделись, а? Спасибо военкому — устроил нам встречу.

— Верно,— подхватил Сейран.— Куда нам торопиться от хорошего разговора? Пиво, наверно, теплое, и официантка поставила его в лед, чтобы остудить. Вот и тебя надо остудить немножко.— Он погладил Ниджата по жестким черным волосам.— А то пенишься, как шампанское.

А Джалал кивнул, улыбаясь, затянулся дымом.

Мы просидели в ресторане часа три, наговорились досыта. Почтили вставанием память погибших фронтовых друзей. Посетителям ресторана, должно быть, показалось странным, что мы вдруг поднялись все разом и молчали с минуту.

— Эх, братцы,— сказал захмелевший Сейран, подливая пива в стаканы,— а ведь нам здорово повезло. Можно сказать, прошли по статье «доход». Мы имеем право на счастливую жизнь, верно? Так давайте, братцы, жить хорошо...

Мы выпили за то, чтобы хорошо прожить свою жизнь. А Ниджат проворчал:

— Уж за меня не беспокойтесь, ребята. Ваш братец возьмет от жизни все, что полагается, наверстает упущенное...

Расставаясь, обменялись адресами и твердо решили поддерживать связь. И так оно и было первое время — довольно часто встречались. Но шли годы, мы все больше погружались в свои дела, а делам этим не было конца, и мы встречались все реже, реже, пока и вовсе не прекратились эти встречи... Както незаметно мы отдалились друг от друга...

Может, на экране телевизора я и верно выглядел молодцом-здоровяком, но на самом деле — куда там! При перемене погоды, и уж тем более в дождь и сырость, меня всего разламывает. Просто не нахожу себе места — так ноют старые раны.

Сесть бы сейчас и накатать Паше Чепурину большое письмо. Но сперва надо было повидать старых друзей, а то стыдно даже писать о себе — и ни слова о друзьях. Стыдно — столько лет не виделись...

И я решил сегодня же навестить их или по крайней мере созвониться, навести справки. Все равно на дачу ехать поздно, хотя дождь, похоже, перестает.

Я перерыл ящик письменного стола, в котором хранил документы, записные книжки, но не нашел нужных адресов. Конечно, можно было позвонить в справочную, но справочная дает только номера телефонов, а у Сейрана, например, телефона не было. И у Ниджата, насколько я помнил, тоже. Правда, не исключено, что они, как и я, перебрались в новые квартиры...

Я решил начать поиски с Сейрана. Он жил в «Ичери шэхэр» — старинном «внутреннем городе», который бакинцы обычно называют Крепостью. От этой Крепости, собственно, и пошел Баку. Застраивалась она без всякого плана, дома там лепятся один к другому, и большинство улочек так узки и извилисты, что проехать по ним можно разве что на велосипеде. Если обитатель Крепости переселяется или, скажем, покупает новую мебель, то машину приходится останавливать на проезжей улице и тащить шкафы и кровати на руках по узкому лабиринту.

На одной из таких улочек, поблизости от Дворца ширваншахов, и жил Сейран. Помню, он говаривал в армии: «Я из рода бакинского хана Фазлуллаха. Хан любил, чтобы все его родственники жили рядом с ним, потому наш дом и стоит возле его дворца». Разумеется, он шутил, но с таким серьезным видом, что некоторые ребята-бакинцы верили ему...

Дома в Крепости старые, ветхие, квартиры неудобные, темные, но удивительна привязанность здешних жителей к своим жилищам. Или вернее — к очагам отцов. Помню, когда мы говорили тетушке Зибейде, матери Сейрана, что не худо бы им переселиться в новый дом, она рассердилась только и не пожелала слушать. Да и сам Сейран очень любил темноватую свою квартиру, в которой родился и вырос, и не помышлял ни о каком переезде.

Вот почему я и решил поехать к нему, хотя понимал, конечно, что за многие годы, прошедшие со времени последней нашей встречи, многое в его жизни могло перемениться. Я читал в газетах, что в Крепости намечаются большие работы, там хотят построить какой-то музейный комплекс. Рядом с Девичьей башней реставрированы древний базар и баня «Джума-хамамы». Будут реставрированы некоторые дома, представляющие собой историческую ценность, а многие другие, ценностью не являющиеся, будут снесены. Вроде бы уже

идут там работы. Может, и дом Сейрана снесли, и живет он теперь в каком-нибудь новом микрорайоне?

Словом, я не был уверен, что разыщу Сейрана.

Я сказал жене, куда и зачем иду, и вышел из дому. Мы живем в большом новом доме на углу улиц Бакиханова и Самеда Вургуна. Отсюда можно проехать на троллейбусе номер восемь до Баксовета, а там рукой подать до верхних ворот Крепости.

Дождь перестал, но было холодно, ветрено. Ноги и поясница у меня ныли отчаянно, я даже решил не садиться в троллейбусе, хотя свободные места были: стоя легче переносить боль.

У Баксовета я вышел и направился в Крепость. Давненько не бывал я здесь! Ветхие домишки у верхних ворот снесены, улица, идущая вдоль крепостной стены, расширена. А вот и Дворец ширваншахов. Я любил этот памятник средневековья, в детстве часто приходил сюда со школьными товарищами. Дворец выглядел теперь неплохо, посветлел после реставрации.

Я легко нашел квартал, где жил Сейран. Вот их дом, двухэтажный, с облупившейся штукатуркой. Ничто здесь не переменилось, только улицу заасфальтировали. Две маленькие девочки прыгали, играя в «классы». Я спросил у них:

— Сейран Тарланов в этом доме живет?

Они уставились на меня, и одна, в красном пальтишке, ответила тоненьким голосом:

— Тут живет Гюльзар Тарланова. И еще — Мурад и Аслан.

— А их маму зовут Рагима,— добавила вторая девочка.

Рагима... Я вспомнил, что так звали девушку, на которой женился Сейран. Ведь я был на их свадьбе, да, да, очень давно это было... С тех пор, кажется, мы и не виделись с Сейраном.

— К тете Рагиме сегодня так и идут люди,— сказала девочка в красном.— Показать вам, как к ним пройти?

— Не надо. Сам найду.

Мне показалось странным, что эти девочки знали Рагиму Тарланову и ее детей, а Сейрана, по-видимому, не знали. Обычно ведь семью знают по ее главе, по мужчине. Неужели Сейран бросил свою семью? Как-то не похоже на него...

Я поднялся по скрипучей лестнице. Дверь застекленной веранды была раскрыта, я вошел, и тут же ко мне подбежал молодой человек лет двадцати. Он был так похож на Сейрана, что я слегка оторопел. Меня будто перенесли на четверть века назад, и вот я снова вижу Сейрана. Сейчас он насмешливо улыбнется и начнет сыпать шуточками...

Лицо у парня было серьезное, даже печальное. Он почтительно пригласил меня в комнату. Странно: он нисколько не удивился моему приходу и ни о чем не спросил, будто ожидал меня.

На веранде стоял большой самовар, а перед ним, на столе, покрытом клеенкой,— множество стаканчиков на глубоких блюдцах. Какой-то лысый дядя наливал в стаканы чай.

Сын Сейрана — я не сомневался, что это его сын,— ввел меня в темноватую комнату и без лишних слов пригласил сесть за стол. Тут уже сидели несколько пожилых мужчин, а во главе стола — седобородый старый мулла. Перед ним лежали джузы[1] корана. Он неторопливо пил чай. Увидев меня, мулла поставил стаканчик на блюдце и, проведя рукой по лицу, произнес несколько молитвенных слов.

Это были поминки, самые настоящие поминки, и у меня вдруг перехватило дыхание: сбоку на стене висел большой фотопортрет Сейрана...

Словно во сне, я оглядел комнату. Никого из этих людей я не знал, видел их впервые. Спросить у кого-нибудь?.. Нет, это было невозможно. Прийти на поминки и спросить, кто умер,— невозможно, невозможно...

Я просто не мог поверить, что Сейрана нет в живых. И даже не притронулся к чаю, принесенному мне лысым чайчи. Все ждал, что люди, тихо беседующие за столом, назовут имя покойника, ждал и боялся этого...

Сидевший рядом со мной старичок в опрятном черном костюме сказал:

— Мулла Гани, вы, наверно, слышали, что американцы прилетели на Луну?

— Как же не слышать,— с достоинством ответил мулла.— Конечно, знаю. Само собой.

— Вот я хочу спросить, мулла Гани,— продолжал мой сосед.— По шариату каждый мусульманин, как увидит молодой месяц, должен помолиться, верно? А как же теперь молиться, если на Луну ступила нога неверного?

Он лукаво глядел на муллу, ожидая ответа.

— В коране об этом ничего не написано,— сказал тот, невозмутимо перебирая янтарные четки.— Но скажу тебе так: на землю Мекки тоже ступали ноги иноверцев, и немало ступали, а мы продолжаем молиться, обращая лицо на восток, то есть в сторону Мекки.

— Это верно, но ведь здесь другое дело...

Они стали спорить, другие тоже вступили в разговор. А я сидел как на иголках. Из соседней комнаты доносились голоса женщин, но, как ни напрягал я слух, не слышал ни плача, ни причитаний. Ведь женщины как? Кричат всегда, причитают: «О мать моя...» «О дитя мое...» Здесь ничего такого не было.

Я терялся в догадках, и нервы были так напряжены, что я решил встать и уйти. Может, те девочки, играющие в «классы» на улице, скажут мне, что произошло в этом доме...

Но тут гости стали подниматься и прощаться с молодым человеком, так похожим на Сейрана. Они говорили:

— Пусть это будет последним горем в семье...

— Дай бог здоровья детям...

Когда так говорят: «Дай бог здоровья детям»,— это означает, что умер человек пожилой. Но ведь это мог быть и Сейран. Нам было по двадцать три — двадцать четыре, когда мы вернулись с войны, но теперь-то нам под пятьдесят... Теперь и мы пожилые...

Я тоже пожал руку сыну Сейрана и пробормотал формулу соболезнования, и он поблагодарил меня, прижав ладонь к груди.

Выходя, я пропустил вперед одного из гостей — рослого и плотного седоусого старика в морском кителе и фуражке. Потом, выйдя со двора, я увидел, что он медленно побрел один, и, решившись, нагнал его на углу.

— Простите,— сказал я.— Можно спросить у вас?..

— Отчего же,— ответил он хрипловато.— Отчего же нет. Слушаю.

— Понимаете, мы с Сейраном фронтовые друзья,— начал я с запинкой,— и сегодня... Я не знал, что у него в доме случилась беда, и сегодня...

— Ясно,— сказал старик.— Ты не знал, что скончалась Зибейда-ханум, и попал на поминки случайно.

— Зибейда-ханум? Мать Сейрана?

— Да,— кивнул он,— и моя родная сестра.

Я хорошо помнил тетушку Зибейду, она была доброй и вовсе не старой женщиной и кормила нас вкусными кутабами, когда мы собирались все вместе... много лет тому назад...

— Да будет ей земля пухом,— продолжал старик.— Бедная Зибейда, ей бы жить и жить еще. Все ее любили за доброту... Смерть Сейрана сломила ее. Она ж его больше жизни любила...

Он вытащил из кармана пачку сигарет «Баку» и протянул мне. Я покачал головой. Я и слова не мог вымолвить, ошеломленный тем, что услышал.

Старик достал спичечный коробок, но он оказался пустым.

— Тут недалеко лавка есть, зайду за спичками,— сказал он и пошел дальше по узкой кривой улочке.

Я машинально двинулся за ним.

Нечего сказать, хорош я... ничего не знал о несчастье, случившемся с фронтовым другом... Провалиться бы мне на месте...

Лавка была закрыта.

— Да сегодня же воскресенье,— сказал старик.— Забыл совсем. Стар стал,— вздохнул он.— Восемьдесят уже стукнуло, никому не нужен, а вот живу... А молодые уходят... Разве это справедливо?

Он помолчал в раздумье, потом посмотрел на меня и сказал:

— Зайдем ко мне, сынок. Я тут рядом живу, вон в том доме. Поговорим, чаю попьем.

— Спасибо. Я... я не могу сейчас...

— Нет, сынок, не отказывайся. Фронтовой товарищ Сейрана — для меня дорогой человек. Я ведь знаю, что это значит — товарищ трудных дней. Сам немало пережил на своем веку, ценю мужскую дружбу. Это, если хочешь знать, дедами нам завещано: легче от жизни отказаться, чем от дружбы. Пошли.

Мне ничего не оставалось, как пойти за ним.

Он жил один в крохотной квартирке, состоявшей из комнаты, коридорчика и отгороженной от него потрескавшейся клеенкой кухни. На самом видном месте висел потемневший от времени портрет бравого моряка в белом кителе, с орденом и несколькими медалями на выпяченной груди. Это был сам хозяин — нетрудно было узнать. Ниже в самодельных рамках висели фотокарточки молодой женщины, двух малышей и двух парней, очень похожих на моего хозяина, тоже в морской форме. А по бокам был приколот с десяток выцветших похвальных грамот, выданных Каспийским пароходством. На столе стояла латунная пепельница в виде якоря. Словом, любой человек, попавший сюда, тотчас смог бы понять, что это, как говорится, обитель моряка.

Старик захлопотал с чаем.

— Прошу вас, не затевайте ничего,— сказал я.— Не нужно чаю.

— Как это не нужно? Обязательно нужно.— Он усмехнулся.— Про жителей Крепости говорят, что они скупердяи, что, мол, когда садятся есть, привязывают кошку в передней, чтоб не выпросила лишнего куска... Но это все враки. Мы, крепостные, народ гостеприимный.

— Точно,— подтвердил я, вспомнив, как хлебосольно встречали нас когда-то в доме Сейрана.

— Как тебя зовут? — спросил он.— Бедир? Ну, вот и хорошо, будем знакомы. Меня зовут Али. Сейран меня называл Али-даи. Можешь и ты так называть.

— Спасибо, Али-даи. Хочу вас попросить... расскажите, как это случилось с Сейраном,— сказал я стесненно.

Старик посмотрел на меня проницательным взглядом, пожевал губами.

— Ну что ж, расскажу, если ты не знаешь.— Он сел напротив, стул заскрипел под его грузным телом.— Почти два года назад это было. В августе. Да, в августе, виноград был уже в разгаре. Сейран с женой и детьми гостил у моего старшего сына на даче. В Бильгя у него дача, и Сейран, значит, приехал на субботу и воскресенье. Пошли они купаться, а на пляже полно народу, и вдруг крики, какие-то купальщики выбегают из воды, какого-то мальчишку выносят на руках... И по всему пляжу паника. Будто тюлень искусал этого мальчика и еще кого-то...

Я вспомнил: позапрошлым летом действительно в городе много говорили о взбесившемся тюлене, который нападал на людей. Я не верил этим слухам. Тюлени, случалось, заплывали из северной части Каспия в наши края, но чтобы они нападали на человека, такого не бывало. И тем не менее...

— Так вот, паника была ужасная,— продолжал старик.— А Сейран, если ты знаешь, был хорошим пловцом. Мы ведь, жители Крепости, почти все потомственные моряки... Тут закричали: «Вот он, вот он!» Сейран тоже увидел, как показалась над водой тюленья голова. Увидел, на свою беду... У кого-то он взял нож, вошел в воду и быстро поплыл. Жена ему кричала с берега, чтоб вернулся, но он не послушал. Тюлень скрылся, не видать его, и Сейран принялся нырять. Я-то сам не видел этого, не был там, но сын рассказал, как Сейран вынырнул и крикнул, что ранил тюленя. Сын поплыл к нему, и еще какие-то парни поплыли. А Сейран опять ныряет, хоть и выбился уже из сил. И вода в этом месте так и бурлит...

Старик затянулся сигаретой, помолчал немного. Я ждал продолжения этого страшного рассказа, не сводя глаз с широкого, в сетке жестких морщин лица Али-даи.

— В общем, прикончил Сейран это бешеное животное. Выволокли тушу на берег, вокруг толпа собралась, смотрят на мертвого тюленя, а он весь исполосован ножом. А Сейран сел в сторонке, отдышаться, значит, хотел, и тут Рагима как закричит... кровь у него на но-

[1] Джуз — раздел, выпуск книги.

ге увидела, от укуса кровь. Потом из дома отдыха машина пришла, и Сейрана и других, которых тюлень покусал, увезли в город и всем сделали укол. Не то противостолбнячный, не то еще какой — не помню уже...

Али-даи опять умолк. Из кухни донеслось дребезжание крышки чайника. Старик пошел туда и вскоре вернулся в комнату, неся большой чайник, белый, в синих цветочках.

— А дальше, Али-даи? — тихо спросил я.— Неужели от укуса?

— Что укус? — Он коротко махнул рукой.— Никто от укусов не умер, у всех зажило. А вот укола Сейран не перенес. Не помню уж, как по-ученому это называется, но не принял его организм укола. Редкий случай, а вот... не повезло ему, бедняге. Два дня, две ночи держали его в больнице на переливаниях крови, уж чего только не делали, а спасти не удалось. Я был там, видел его последние минуты. Уже никого он не узнавал — ни жену, ни детей, ни мать...— Старик поставил на стол сахарницу и принялся нарезать лимон.— Так-то вот... Моя сестра, Зибейда, с того дня и начала чахнуть. Не ест, не спит, все глаза выплакала. Два сына у нее было, и обоих потеряла. Старший, ты знаешь, наверно, в сорок втором погиб под Севастополем, он моряком был, капитаном третьего ранга. А теперь — Сейран. На войне выжил, а тут... Вот и угасла Зибейда. Перед тем как дух испустить, прошептала: «Похороните меня рядом с Сейраном». Ну, мы ее волю выполнили.

Али-даи поставил передо мной стакан крепко заваренного чаю, придвинул сахарницу. Я сидел, понурив голову. Боль и стыд жгли мне душу. Как же могло такое случиться, чтобы мы, живя в одном городе, позабыли друг о друге?.. Джалал и Ниджат тоже, наверно, не знали об этой трагедии — иначе сообщили бы мне... А как они, Джалал и Ниджат? Я похолодел при мысли, что и с ними могло что-то произойти за эти долгие годы.

— Пей чай, Бедир. Остывает у тебя.

— Спасибо, Али-даи... Старший сын Сейрана, он где работает? Или учится?

— Мурад? Нефтяной техникум кончает в этом году. Немножко шалопай был, когда в школе учился, а теперь будто подменили его. После смерти отца совсем другой стал, серьезный. Я-то хотел, чтоб Мурад в моряки пошел. У нас в роду все моряками были — семейная традиция, значит...

Он повернулся на стуле и взял с комода толстый альбом в старинном кожаном переплете.

— Вот.— Он ткнул пальцем в фотокарточку, на которой стоял, подбоченясь, здоровяк усач в лихо заломленной зюйдвестке.— Мой отец. Дед Сейрана, значит. Не находишь, что Сейран похож на него? Нет? А по-моему, похож. Нас в Крепости называют потомками моряка Али, это рыбак такой был, мой дед, меня и назвали его именем. Отец тоже рыбачил, у него с братом была своя лодка. Попали они однажды в сильный шторм и погибли оба...— Старик захлопнул альбом, налил в стаканы еще чаю.— Мои сыновья тоже моряки. Старший — капитан дальнего плавания, сейчас он со своим танкером «Нахичевань» в Индии. Скоро вернется из рейса. Младший механиком плавает на пароме «Азербайджан». Свои семьи у них, конечно. А я на пенсии. Здоровье подводить стало, а то бы не ушел с моря. Ничего, пенсия приличная, мне хватает... Жаль вот, Мурад меня не послушал, нарушил традицию. И вообще... все меньше становится у нас в Крепости моряков. Если так и дальше пойдет, то скоро и вовсе не увидишь в Крепости синий китель...

— А как у них материально? — спросил я.— В семье Сейрана...

— Материально? Не голодают, конечно, но не густо.— Старик посмотрел на меня пристально и добавил, как бы между прочим: — Вроде я не видел тебя на похоронах Сейрана, сынок. А может, не заметил просто: народу-то много было...

Я промолчал. Прощаясь, мы уговорились с Али-даи, что в четверг поедем на кладбище, на могилу Сейрана и Зибейды-ханум.

Продолжение следует.

Перевел с азербайджанского Е. Войскунский.

Раиса АХМАТОВА

Поэма

Посвящается Герою Социалистического Труда, депутату Верховного Совета ЧИАССР, директору совхоза «Гойтинский» Алхазуру Кагерманову

АЛХАЗУР — ЛЕТЯЩАЯ ПТИЦА

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть дороги из бури в бурю,
Есть крутые, как горы, дни...
Сколько дерзких сил в Алхазуре —
Верном сыне моей Чечни!

Алхазур — по-чеченски птица.
Алхазур — чеченский орел.
Счастья или невзгод страницы
В книге жизни земляк прочел...

У него рабочие руки,
Верность друга, ум мудреца.
К Алхазуру со всей округи
Земляков стремятся сердца.

Он слуга земли и хозяин,
Потому и щедры поля,
Потому сокровенные тайны
Доверяет ему земля.

За призваньем идет признанье,
Но награды не так важны,
Как счастливая гордость званья
Гражданина нашей страны.

Загораются звезды в небе,
И горит на груди звезда...
Алхазур — в заботах о хлебе,
И в полете он, как всегда.

ИМЯ

Горянка, пестующая дитя,
О чем мечтала ты у колыбели?
А за окошком, в синеву летя,
О жизни и о счастье птицы пели.

Давно ушла в историю беда,
За будущее сына ты спокойна:
Ни тяжесть подневольного труда
Сегодня не грозит ему, ни войны.

Над крышей сельсовета алый стяг
Взошел неугасимою зарею...
А если посягнет на счастье враг,
Сама проводишь сына ты в герои.

Нам достаются нелегко сыны...
У колыбели песню напевая,
Мечтала ты, чтоб не звезда войны —
Звезда светила сыну трудовая.

В высоком небе плыли журавли,
Орлы легко над кручами парили,
Колосья в небо, как лучи земли,
Свои литые стрелы устремили.

И о могучих нартах пел пандур,
Перекликаясь с думами твоими...
Ты прошептала нежно: «Алхазур» —
Летящее, ликующее имя.

ПЕРВЫЙ УРОК

Был мальчик мал, а поле — велико,
Страда войны была ко всем сурова,
И с кровью отдавали молоко
Детишкам отощавшие коровы.

А мальчик пас быков, чтобы потом
Они влекли стальную тяжесть плуга,
Чтоб человеку отплатить добром
За бескорыстную заботу друга.

Ему бы танк, да в полымя войны!
Но девять лет — так мало для солдата...
Лишь сапоги мужской величины
Да ватник, что носил отец когда-то.

Мы детство свято в памяти храним,
А память у детей войны похожа.
Мальчишки в холоде военных зим
Невольно старше делались и строже.

Как часто сапоги слетали с ног,
Как ныли отмороженные руки!
Был труден первой пахоты урок,
Урок великой трудовой науки.

Не только в приключенческих морях,
В живом труде — открытия и тайны.
Был мальчик мал. Пахал он на быках.
Но в снах являлись мальчику комбайны.

ОГОНЕК

Не на просторах моря дальнего
Вел мальчик со стихией спор...
Он стал помощником штурвального,
И был доволен комбайнер.

Ему судьба земли доверена,
И мальчик хочет не отстать...
Но шапка новая — потеряна —
Опять браниться будет мать.

Опять соседки будут сетовать:
«Зачем такое малышу?..»
Начнут нашептывать, советовать,
И скажет мать: «Не разрешу!»

О, нана! Ты с лица печального
Следы сомненья прогони
И для помощника штурвального
В газету хлеба заверни.

Ведь в жизни мы еще подростками
Мечтали о разгадке тайн...
Твой сын на капитанском мостике
Направит в коммунизм комбайн.

Ведь у него такая линия —
Вложить талант и сердце в труд.
В колхозе имени Калинина
Парнишку «огоньком» зовут!

Мечты сумеет сделать планами —
Упрямый этот паренек,
И разгорится гордым пламенем
Веселый, скромный огонек.

ЗЕМЛЯ

Мы нежно землю матерью зовем...
Но как порою к нам она жестока!
То равнодушным станет пустырем,
То куст полыни вскинет одиноко.

То суховей, то долгий дождь, то град —
Опасно слепо доверять природе...
Но исстари в народе говорят:
У нас в руках земное плодородье.

Уму и воле покорится мир,
Когда ума и воли не жалея,
Как нянька, землю холит бригадир,
Пшеницу, как дитя свое, лелея.

Планета не стоит на трех китах —
Она, как человек, всегда в движенье...
Но знаю: только в трудовых руках
Могущество земного притяженья.

Как хороша весной моя Чечня.
Ее поля — моих очей отрада.
Ее прекрасной сделал для меня
Мой друг и верная его бригада.

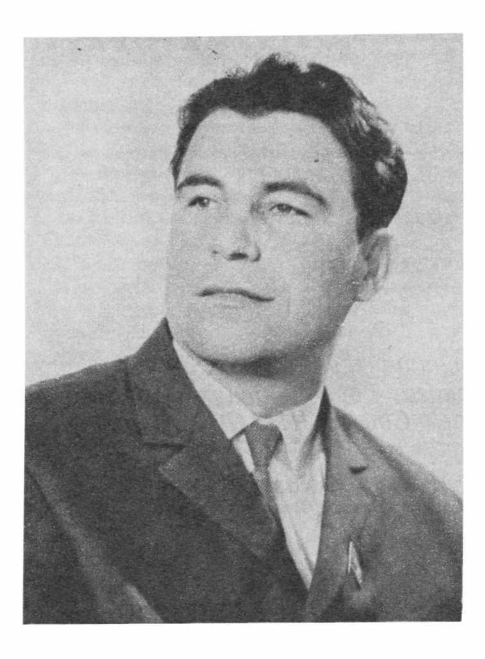
Цветы на склонах в утренней росе,
И соловей опять поет о розе...
Мне Алхазур твердит, что он, как все,—
Один из многих в Гойтинском совхозе.

ДЕПУТАТ

Надеется район на депутата,
А депутату — только двадцать три...
То стало в прежнем доме тесновато,
То родственную распрю разбери,

Строительству больницы посодействуй,
И роженицу отвези в роддом...
И земляки зовут его, как в детстве,
Светло и благодарно — «огоньком».

Советской власти рядовым солдатом
Не легче быть, чем маршалом в бою...
Вот почему районным депутатам
В твоем лице я славу воздаю.

Прекрасно вдохновение поэта,
Дарующее и слезу и смех,
А депутат районного Совета
Слагает будни, как стихи, для всех.

Он по ночам решает терпеливо
Десятки малых и больших задач,
Избранник трудового коллектива,
Сердец людских незаменимый врач.

Дорога жизни не бывает ровной,
Нам всем судьбу неутомимо прясть...
И Алхазур, придя в Совет верховный,
Народную осуществляет власть.

КНИГИ

Книг ночных шелестят страницы,
Свет зари в бессонном окне...
О, святая жажда — учиться,
Словно сеять на целине.

А от курсов до института
И ухабист и долог путь...
Но с намеченного маршрута
Не заставит тяжесть свернуть.

Не для новенького диплома,
А по зову живой души
Из крестьянина в агрономы
Ты шагнул в полночной тиши.

Ты от Пушкина или Блока,
Уходил в поля, окрылясь,
Было сердце не одиноко,
С целым миром чувствуя связь.

Песнь Чечни и сонет Шекспира
Тесно в сердце переплелись,
Открывая для бригадира
В синем небе новую высь.

И с чинарой рядом береза
Вырастала в этот момент...
Сын Чечни. Директор совхоза.
Современный интеллигент.

ДЕТИ

Еще так много замыслов в запасе,
Еще немало радуг после гроз...
А старший сын уже сегодня в классе
Наукой занимается всерьез.

Уже в дела совхозные вникает,
Стараясь все постигнуть до конца,
Естественно и просто привыкает
Он быть во всем соратником отца.

Мечтает дочка стать врачом в больнице,
А сыну дорог буровых ажур,
И только то, что самым младшим снится,
Пока еще не знает Алхазур.

Привычно делит все его заботы
Его большая, дружная семья.
Уже птенцы готовятся к полету,
Орлята — дочери и сыновья.

Крылатое, отчаянное племя
В едином ритме радостных сердец
Уже летит стремительно сквозь время,
Которое открыл для них отец.

В глазах — голубизна родного неба,
Румянец горных маков на щеках,
И очень гордый, теплый запах хлеба
На трудовых, как у отца, руках.

МАТЬ

А для матери сын — все такой же малыш.
И гордится она, и тревожно порою.
Вдруг за сыном когда-нибудь не доглядишь?
А не так-то легко доглядеть за героем!

То во внуках сыновьи черты узнаешь,
То портрет его встретишь в столичной газете,
Молча ты колыбельную песню поешь,
Словно детства не тронули десятилетья.

Седина выбивается из-под платка,
Годы трудные сгорбили гордую спину.
До чего ж материнская жизнь коротка!
Ты уходишь навек от любимого сына.

Не придумано памятников матерям...
Но орла обучает полету орлица.
И сегодня явилась я с просьбой к горам —
Незаметной горянке за труд поклониться.

Мои русские сестры! Когда-то в Чечне
Судьбы женщин ломали законы адата,
И любовь и свобода по сходной цене
За убогий калым отдавались когда-то.

Мир открыла горянке Советская власть,
Ей сказала: «Лети! Ты свободна, как птица!»
Но, чтоб камнем с высоких небес не упасть,
Нужно было горянке свободе учиться.

И далек и прекрасен полет журавля,
Соловьиная песня — в напеве пандура...
Пусть же помнит Чечня, пусть же помнит Земля,
Как горянка учила летать Алхазура.

Пусть поют о ней разных народов сыны:
Ведь за труд материнский — всех почестей мало...
Одинаково в лепете детском нежны
И чеченское «нана» и русское «мама».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Среди делегатов партийного съезда
Мой друг и земляк затерялся на миг...
Недаром легенды творят повсеместно
Герои пока не написанных книг.

Как в поле, мы трудимся в литературе,
Перо, словно серп или молот, в руке...
Я нынче пишу о моем Алхазуре,
А ты напиши о своем земляке.

Не только с высокой кремлевской трибуны,
А в песне пускай раздаются слова
Про наши простые советские будни,
Которые радостны, как торжества.

О жизни, о подвиге, о человеке,
О сплаве из мужества и доброты
Поют на рассвете кавказские реки,
И память хранят вековые хребты.

Искусству у них я хочу научиться,
И в них я найти вдохновенье хочу...
Ты снова в полете — летящая птица...
Я в завтрашний день за тобою лечу.

Перевела с чеченского
Ирина Озерова.

П. Оссовский. ПСКОВСКИЕ КУЗНЕЦЫ ПЕТР И КИРИЛЛ.

Выставка «Московские художники к 50-летию образования СССР».

И. Попов. ПЕРВЫЙ СНЕГ.

Выставка «Московские художники к 50-летию образования СССР».

Юр. ЗУБКОВ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ВОЗДУХ СОВРЕМЕННОСТИ

«Актеры! Взгляните, как время молодо»,— призывал в середине тридцатых годов старый артист Медведев — герой пьесы Виктора Гусева «Слава». Он призывал своих товарищей по сцене проникнуться духом этого времени и выразить его в своем творчестве. И, словно внемля этому призыву, непосредственно и горячо откликался наш театр на героические свершения современников. Достаточно вспомнить лишь пьесы Н. Погодина о героях первых пятилеток — «Темп», «Поэма о топоре», «Мой друг», «После бала» и «Аристократы»; «Половчанские сады» Л. Леонова, «Хлеб» В. Киршона, «Страх» и «Машенька» А. Афиногенова, «Бойцы» Б. Ромашова, «Шестеро любимых» и «Город на заре» А. Арбузова, пьесы, широко шедшие по театрам страны, и мы сможем представить себе то страстное и напряженное время, трудовой энтузиазм и вдохновенный порыв поколений отцов и дедов, которым между войнами, гражданской и Отечественной, была отпущена историей слишком короткая передышка — всего девятнадцать лет. Сможем ощутить, используя образное выражение того же В. Гусева, самый «героический воздух современности». Именно в те годы окончательно выкристаллизовалась и утвердилась благороднейшая традиция нашего театра — быть глашатаем и выразителем своего времени, его духовных потребностей и устремлений.

Время, в которое мы живем сегодня, не только достойно продолжает исторический путь, пройденный советскими людьми. Сегодняшние свершения наших современников знаменуют совершенно новую качественную ступень в развитии советского общества, в его движении вперед. Думаю, что нет нужды подтверждать эту мысль многими цифрами. Назову только одну: прирост промышленной продукции за второй год девятой пятилетки, идущей к своему победоносному завершению, будет почти равен общему объему ее производства в 1940 году. Для достижения подобных побед от людей требуются не только разносторонние знания, огромный производственный опыт, совершенное владение новейшей техникой, но и энтузиазм, не уступающий энтузиазму строителей первых пятилеток; еще более героический, вдохновенный труд, страстная преданность Родине и партии, идее социализма...

Какое же находит претворение в сегодняшней жизни театра его благороднейшая традиция, связанная с правдивым и глубоким отражением современности, раскрытием ее как ленинизма в действии, страстным утверждением нашего, советского образа жизни?

Сегодня на сценических подмостках лидируют такие произведения, как «Трибунал» А. Макаенка и «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, «Не беспокойся, мама!» Н. Думбадзе и «Пока арба не перевернулась» О. Иоселиани, «Птицы нашей молодости» И. Друцэ, «Человек со стороны» И. Дворецкого... Что здесь радует и что огорчает? Радует прежде всего то, что всесоюзная театральная афиша все активнее складывается как афиша разнонациональная. На ней представлены произведения литературы не только русской, но и белорусской, грузинской, молдавской. Огорчает, во-первых, то, что складывается афиша пока еще только как разнонациональная, но еще не в полном смысле слова многонациональная, а во-вторых, то, что сравнительно узкий круг произведений, получивших наиболее широкое распространение, приводит афиши многих театров к известному однообразию. А это, в свою очередь, свидетельствует об определенной робости руководителей иных театров, ориентирующихся на готовые образцы и не ведущих повседневного и активного самостоятельного творческого поиска.

Думаю, что далеко еще не в полной мере используются для отражения и утверждения современности все резервы многонациональной советской драматургии.

Вместе с тем повторяемость и даже однообразие афиш разных театров не должны заслонять от нас того, что обращение именно к пьесам, названным мною выше, позволяет сценическим коллективам говорить со зрителем о наиболее существенных проблемах времени, успешно решать важные идейно-воспитательные задачи.

Казалось бы, о войне против фашизма театр наш за тридцать с лишним лет сказал уже многое. И тем не менее спектаклями «Трибунал» и «А зори здесь тихие...» театры открывают в теме, хорошо знакомой, новые страницы, новые возможности... Есть в действиях вчерашнего колхозного пастуха (а сегодняшнего связного партизан, ставшего по их заданию немецким старостой) Терешки Колобка и пяти зенитчиц, погибающих при ликвидации отряда немецких диверсантов, нечто общее. Характеры всех этих людей будто бы начисто лишены героического начала: и Колобка едва не казнят жена и дети, поверившие в то, что он действительно пошел в услужение к фашистам, а он перед родными своими беззащитен; и гибель девчат, возглавляемых старшиной Васковым, может на первый взгляд показаться бессмысленной — перебили их немцы всех, как куропаток... Но именно в этих характерах, судьбах, поступках и проявляются героизм повседневности, сила патриотизма как основа поведения советского человека в любых условиях.

Свое развитие военно-патриотическая тема находит далее в спектаклях, поставленных по пьесе «Не беспокойся, мама!», где чистый и честный парень Теймураз Джакели, по началу еще не определивший своего пути в жизни, попав на погранзаставу, мужает, получает глубокую идейную закалку. А рассказ дяди Вано о минувшей войне, о мужестве коммунистов, которым он напутствует уходящего в армию Теймураза, является кульминацией пьесы, связывает воедино день вчерашний и день нынешний.

К жизни современного колхозного села обращают нас спектакли по пьесам «Пока арба не перевернулась» и «Птицы нашей молодости». И там и там сталкиваемся мы с темой верности человека земле, на которой он родился и вырос и которая его вскормила и вспоила. С темой, важной не только для жизни деревни, но и для воспитания нравственных качеств, верности человека своему призванию вне зависимости от того, где он родился, на каком месте трудится.

Говоря об этих пьесах, я умышленно не хочу связывать их сценическое воплощение с тем

или иным театром: слишком широко идут они по стране, и далеко не всегда знаешь, какому коллективу, кому из актеров следует отдать предпочтение, скажем, М. Кузнецову из Ставрополя, раскрывшему в Терешке Колобке крупную и глубокую личность, или Г. Овсянникову из Минска, подчеркнувшему в этом же герое его опаленность войной, неистребимую силу ненависти к фашистам. Важнее, мне кажется, другое — необходимость точного идейного прочтения режиссурой и актерами каждого из этих произведений. В противном случае и «Трибунал» может превратиться из трагикомедии и народного лубка в чистопородный фарс; и в спектакле «А зори здесь тихие...» обрести гипертрофированное звучание мысль о жертвенности, обреченности девчонок-зенитчиц, возникнуть тема бессмысленности их подвига; и Павел Русу, самоотверженный энтузиаст колхозного строительства из «Птиц нашей молодости» превратиться в ретрограда и рутинера. Мне приходилось видеть спектакли по пьесе И. Дворецкого, «Человек со стороны», к примеру, в Перми, Туле, Ставрополе, где Чешков, призванный решительно изменить положение дел в отстающем цехе, но неспособный внутренне приблизиться к людям трудной и гордой судьбы, с которыми довелось ему столкнуться, только кричал на них, и они справедливо оставляли цех, так как работать с таким человеком невозможно.

Но точность режиссерского истолкования — точностью; известные недостатки пьес — недостатками; главное, что вызывает тревогу, так это то, что, взяв на вооружение произведения, родившиеся в сезоне прошлом, сезон нынешний почти не обогатился названиями новыми... Пока в этом плане я могу упомянуть лишь пьесу молодого драматурга В. Азерникова «Третьего не дано», интересно поставленную в Театре имени Моссовета Ю. Завадским и И. Данкман.

По природе конфликта пьеса эта близка «Человеку со стороны». Как там, так и здесь исследуются оба аспекта проблемы — и производственный и нравственный. Проблема же сама заключается в подготовленности завода к работе по-новому в условиях научно-технической революции.

В цеху произошел взрыв. Один из рабочих, Крылов, едва не ценой собственной жизни предотвратил гибель многих людей. Журналистке Косаревой (Л. Шапошникова) поручено написать о нем очерк как о герое. Самый же взрыв директор завода Басаргин (эту роль тонко, отнюдь не прямолинейно, не в лоб, раскрывая диалектику характера героя, играет Г. Некрасов) объясняет случайностью. Но перед Косаревой встает вопрос о причинах, приведших к этой случайности. И другой: а не станет ли очерк о героизме Крылова той дымовой завесой, за которой укроются виновники аварии? Это понимает и сам Крылов (О. Щетинин), который, отказываясь от льгот и поощрений, уготовленных для него директором, случайностью объясняет уже свой поступок. И Косарева пишет статью, в которой делает упор не на героизм Крылова, а на причины, приведшие к аварии. Только это может предотвратить подобные аварии в будущем.

Из двух аспектов здесь также главный — нравственный. Производственную сторону вопроса, говорит секретарь парткома Черкасов (Б. Иванов) инженеру по технике безопасности Платонову (А. Адоскин), предвидевшему возможность аварии, но не нашедшему в себе ни сил, ни энергии, ни воли для устранения ее причин, «мы решим и без тебя, а вот вторую без тебя не решить. Потому что ты должен решать ее для себя сам. Ее решением парткома не исчерпать, тут у каждого свой партком — его совесть».

В мысли о высокопроизводительном труде на благо общества, как основе нравственности, автор обнаруживает если не совсем новую, то, во всяком случае, особую сторону. Для Басаргина «главное — план», за которым следуют блага для рабочих — премии, квартиры, путевки... Этим он завоевывает себе авторитет — и в министерстве, и в районе, и в коллективе. Но план-то сегодня не может, не должен достигаться любой ценой. В тех условиях, в которых работает цех, труд не может быть по-настоящему высокопроизводительным, а следовательно, и высоконравственным.

Спору нет, наша сцена еще ждет пьесы, где бы рабочий, подобный Крылову, стал центральным героем. Но уже и В. Азерников дал нам возможность ощутить новые качества этого образа. Те самые качества, о которых говорил в речи на XV съезде профсоюзов товарищ Л. И. Брежнев: «Передовой рабочий сегодня — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду, он чувствует себя хозяином производства, человеком, ответственным за все, что происходит в нашем обществе. Такой рабочий политически активен, он нетерпим к расхлябанности и безответственности, к любым недостаткам в организации производства... Идеалы партии, идеалы коммунизма стали для такого рабочего сутью всего его мировоззрения...»

Вот почему, когда мы говорим о том, что тема рабочего класса не занимает сегодня в драматургии и на сцене подобающего ей, ведущего, места, мы защищаем отнюдь не местнические интересы. И ссылки иных из критиков на то, что, дескать, любой советский человек достоин стать предметом изображения художника и нечего, мол, ратовать за преимущественное изображение рабочего человека, трудно признать плодотворными. Ибо речь в данном случае идет о классе, являющемся сердцевиной всей нашей жизни, о морали этого класса, определяющей мораль всего советского общества.

Главный упрек — и не только в смысле показа жизни рабочего класса, его людей, а и в более широком смысле передачи «шагов саженьих» нашей современности — хочется мне сделать театрам Москвы как могучему флагманскому отряду сценических коллективов страны. Иногда думаешь: пройдут десятилетия, сказочно изменится жизнь страны и народа, но смогут ли потомки наши судить на основе сегодняшней театральной афиши о том, чем жили народ и партия в годы девятой пятилетки, как судим мы сегодня о героях первых пятилеток по афише тридцатых годов? В этом плане начало сезона в московских театрах вызывает особую тревогу.

Талантливейший коллектив Театра имени Евгения Вахтангова показал «драматическую поэму» В. Коростылева «Шаги командора». Мастерская, талантливая режиссура А. Ремизовой, великолепная игра актеров, занятых в спектакле, и прежде всего Ю. Яковлева, играющего роль Николая I, в известной мере способствовали преодолению надуманности и искусственности ряда ситуаций и образов пьесы, но изменить авторскую концепцию, далекую от передачи правды как о гениальном поэте Александре Пушкине, так и о царе-жандарме Николае I, театр, конечно, не смог.

Конфликт между Пушкиным и Николаем автор рассматривает преимущественно в аспекте моральном. Пушкину в изображении В. Коростылева претит не жандармская сущность Николая, а его... доброта. Именно на опасность оказаться в плену доброты и наставлений царя и жалуется Пушкин в пьесе Жуковскому: «От похвал государевых, от императорского благорасположения мечусь... Государь в тебя похвалу, что сахар в чай, кидает. А ты, подлый, растворяешь ее в себе и сам чувствуешь, как сладок да угодлив становишься... Чем больше тебя хвалят, тем больше хочется угодить. И вот уж из тебя Булгарин лезет с верноподданническими стишками в зубах!»

Абстрагируясь при рассмотрении темы х у д о ж н и к и в л а с т ь от социального, классового содержания взаимоотношений Пушкина и Николая, В. Коростылев выступает против вторжения власти в духовный мир поэта. Но ведь суть-то этого вторжения надлежит рассматривать не столько в моральном, сколько в социальном плане. Пушкину претили ласковость Николая и его советы не сами по себе, а ласковость и советы самодержца, власти, основанной на социальном гнете, на порабощении и бесправии народа.

Абстрагируясь при рассмотрении не только темы художник и власть, но и самой категории власти, автор пьесы не раскрывает и не передает в образе Николая I главнейшей его черты — лицемерия. По воле автора мы должны всерьез воспринимать следующую тираду Николая: «Я не жесток, Пушкин. Время и сан обязали меня к жестокости... Пойми! Это мне и доброту и милосердие вяжет», надуманное противопоставление бодрости доброте... Доброта, мол, размягчает, а бодрость побуждает человека к труду, к служению государству. Изображение царя умным и дальновидным политиком, весьма обходительным, тонким человеком неизбежно приводит спектакль к тому, что образ Пушкина в нем, несмотря на интересную игру В. Ланового, оказывается оттесненным на второй план.

Два других спектакля обращают наше внимание к дням нынешним. Первый из них — постановка пьесы А. Володина «С любимыми не расставайтесь», осуществленная на сцене театра «Современник» В. Фокиным. Это спектакль камерный, сугубо интимный, он идет даже без антракта, как бы на одном дыхании.

В центре драматического повествования А. Володина судьба молодых людей, мужа и жены — Кати и Мити. Они любят друг друга. Но без Мити Катя отправляется на вечеринку, а оттуда, чтобы доказать, неизвестно кому, свою самостоятельность, идет к некоему Хомяку и, видимо, остается у него до утра. Было ли что между ними? Катя отрицает, Хомяк также, но Митя, считая, что Катя ему изменила, подает на развод. Катя и Митя вроде бы продолжают любить друг друга (я говорю: вроде бы, так как мне не ясно, что именно и автор и его герои вкладывают в это самое слово — «любовь»), но тем не менее «выламываются» друг перед другом, обижают друг друга. Кончается же вся эта история тем, что Мите грозит тюрьма (а может, и не грозит — лишь слушок такой прошел), а Катя попадает в сумасшедший дом...

Как всегда, актеры театра «Современник» достоверны, внутренне наполненны, и в первую очередь исполнители центральных ролей — Т. Лаврова (Катя) и В. Чемоданов (Митя)... Но не игра актеров и даже не режиссура спектакля являются здесь решающим фактором, а самый выбор пьесы.

Так в жизни бывает, видимо, полагают автор и театр. Да мало ли чего не бывает в жизни!.. В свое время в подтексте повествований Чехова о прекрасных сестрах Прозоровых, об Астрове и Войницком прочитывался иронический вопрос автора: а имеете ли вы право на драму, господа? Недаром в подзаголовке чеховских пьес нередко встречаем мы слово «комедия». Так можно ли всерьез воспринимать «любовный эпизодик» Кати и Мити?

«Серьезный и тонкий жизненный урок преподает зрителю этим спектаклем театр «Современник»,— пишет рецензент Ю. Крючков.— Урок, расширяющий пределы назидательной мысли, заключенной в названии пьесы... На ошибках надо учиться!» Но, во-первых, если это (на ошибках надо учиться!) и не назидание, то что же иначе и что тогда есть назидание? А во-вторых, Катя и Митя в изображении автора столь эмоционально бедны и общественно индифферентны, что в театр они и им подобные наверняка не ходят, назидание, призыв автора до них попросту не дойдут. Можно только подивиться нетребовательности рецензента, его беззаботности в изображении современных советских людей — всех в пьесе, разве кроме судьи.

Другой критик, Ю. Андреев, куда менее апологетически относящийся к пьесе А. Володина, пишет в связи с ней: «Позволю себе сравнение: конечно, заботясь о здоровье человека, следует привести его в отделение больницы, где лежат злостные алкоголики и задыхающиеся курильщики, и это произведет сильное впечатление. Однако, может быть, следует привести человека и на стадион и в бассейн или в борцовый зал? Светлые примеры — они ведь тоже способны заражать...» Но почему человека, который не пьет и не курит, в порядке, так сказать, профилактики непременно нужно вести к находящимся на излечении злостным алкоголикам и задыхающимся курильщикам? Что же касается изображения этого в искусстве, так случаи-то все в конечном счете патологические, а патология — это уже не предмет искусства.

Да, мы знаем, что очень много разводов среди молодежи. Но каковы причины разводов? Чаще ли всего развод — результат необдуманного, скоропалительного

брака или нелепого поведения супругов, или, может быть, здесь встречаются и другие обстоятельства — все более возрастающая независимость женщины, несовместимость не только характеров, но и вкусов или взглядов и т. д.? Иными словами, расходятся, видимо, не только люди, поражающие своей бездуховностью, интеллектуальной и эмоциональной ограниченностью.

И еще один спектакль о современности появился в начале нынешнего сезона — «В этом милом, старом доме» А. Арбузова, постановка которого осуществлена в Театре имени Ленинского комсомола Ю. Мочаловым. Имя маститого драматурга известно всем, талант его общепризнан. Тем выше ответственность за выпуск пьесы, внутреннее содержание которой весьма и весьма не богато.

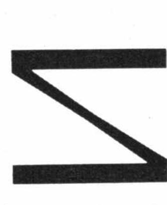
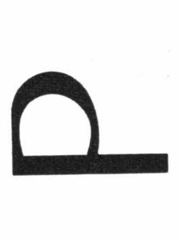
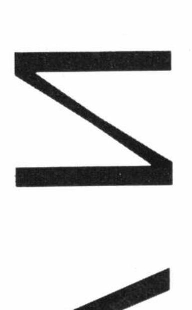
Две женщины случайно поселяются в одном гостиничном номере. Первая из них, Юлия, когда-то жила в этом городе. Здесь у нее взрослые дети, муж, которого она несколько лет назад необдуманно оставила. Вторая, Нина, невеста бывшего мужа Юлии. Юлия красива, Нина — нет. Вокруг Юлии, наверное, всегда поклонники. Нина несчастна, ей так никогда и не удалось выйти замуж. Поначалу женщины не знают друг о друге. Но позднее Юлия узнает об отношениях Нины со своим бывшим мужем и, жалея ее, покидает город...

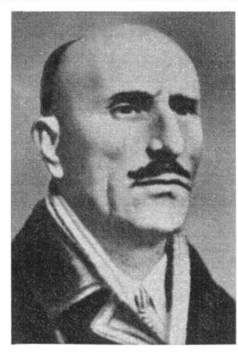
Нетрудно обнаружить умозрительность ситуации, предлагаемой автором. Юлия прожила с Макаром (так зовут ее мужа) много лет, и после ухода жены он продолжал ее любить, всячески оправдывал и отстаивал перед своей матерью и детьми. Видимо, и Юлия любила его все эти годы, верит ему сегодня, стремится снова вернуться в семью. Так почему же она, не попытавшись даже проверить истинность нового чувства мужа, истинность любви Нины к нему, столь торопливо его покидает... При этом совершенно очевидно, что руководствуется она лишь жалостью к Нине... Жертвенность? Но жертвенность, которая может принести непоправимое горе и Макару, и самой Нине, и всем остальным... И потом дети, почему они столь быстро отворачиваются от матери, услышав ее нелестные слова об их родном городе? Неужели в сложившейся ситуации они не в состоянии понять, что слова эти не более чем бравада? Перед нами, видимо, уж в самом деле урок без назидания. Однако нравственный потенциал и этого урока чрезвычайно беден. И в данном случае талантливая игра Е. Фадеевой, М. Лифановой и других актеров не в состоянии компенсировать внутреннюю бедность пьесы.

Вот и возникает снова и снова вопрос: как же выражаются в первых спектаклях нынешнего театрального сезона нынешний день народной жизни, его ведущие тенденции, нравственные, духовные проблемы времени? Речь идет, разумеется, не о выражении прямолинейном, лобовом. И не об иллюстрации результатов человеческого труда, а о раскрытии пути к этим результатам, чреватого и многими внутренними противоречиями и конфликтами, сложнейшими психологическими коллизиями... О передаче новых качеств характера современного советского человека, новых черт его духовного мира, его интеллектуального и эмоционального богатства. И то, что ответ на этот вопрос не получил убедительного художественного воплощения, не может не тревожить самым серьезным образом. Не может не возникать мысль о необходимости резкого повышения требовательности к идейно-художественному качеству как включаемых в репертуар того или иного театра пьес, так и выпускаемых спектаклей — и со стороны самих сценических коллективов, их руководства, их партийных организаций и со стороны органов культуры, призванных направлять жизнь театров, их творческие поиски.

Время действительно сегодня молодо. Намного моложе, чем три с половиной десятилетия назад, когда В. Гусев писал «Славу», и оно требует и современных Островских, и современных Шекспиров, и современных Погодиных, способных с огромной художественной силой утвердить нашу действительность, наш образ жизни, наши идеалы.

ЛИРИКА

Исай ТОБОЛЬСКИЙ

ПОБРАТИМЫ

На грохочущей сцене,
Среди декорации,
Так герой умирает,
Что шквалом овации...

А в четвертом ряду
Мы с комбатом сидим.
Мы ладони зажали,
Мы молча глядим.

Это нас окружают —
Его и меня,
Это нас накрывают
Шквалом огня.

Нам с комбатом
Известен сюжет наперед —
На руках у комбата
Петренко умрет.

Я сейчас закричу,
Это наш старшина!..
Но нужна тишина.
Как нужна тишина!

АНКЕТА

Назойливость анкеты
Беспристрастна:
Вопрос — ответ,
И все как будто ясно.

Анкета
Обращается ко мне:
Участвовал ли я
В былой войне?

Участвовал...
А мысленно вписал:
Я не участвовал,
Я — воевал!

РЕЧЬ КОМБАТА

Я слово в слово
Помню речь комбата,
Перед атакой
Краток был комбат.
Он так сказал:
— Запомните, ребята,
К врагу вполоборота
Не стоят...

И в мирный день
Не забывать об этом
Положено солдатам
И поэтам!

* * *

Постарела земля. Устала.
Поглядите, что с нею стало.
Все копают ее, все копают —
Все убитых в нее зарывают.

И рубцы у нее и раны
К непогоде опять болят.
И опять, как бинты солдат,
Кровоточат меридианы.

ХЛЕБ

Перепахал солдат всю землю вдоволь.
Своею кровью напоил поля.
А сколько в землю
Слез впиталось вдовьих...

На сотни лет сыта теперь земля.
Почти звенит упругая пшеница,
И края нет раздолью хлебных рек.
Остановись, счастливый человек,—
Такому хлебу грех не поклониться!

КАЛАЧ

Зимою, под открытым небом,
А был морозище — хоть плачь,
Я простоял всю ночь за хлебом,
Давали к празднику калач.

Я, как репей, прилип к соседке
И, разжимая кулачки,
Все пересчитывал монетки —
Двугривенные, пятачки.

И все мечтал: вернется мама,
Придет голодная с ночной,
А перед ней, как в сказке прямо,
Калач... Калач, добытый мной!

Я ждал. Я верил и не верил.
Не думал больше ни о чем...
И вдруг меня втолкнули в двери.
И вытолкнули... С калачом!

«Нет, это маме. Это маме!»
Не то шепчу, не то кричу.
А руки сами, сами, сами
Невольно лезут к калачу.

Я прячу судорожно руки,
Но душит сладкая слюна.
И вдруг я обмер...
От краюхи
Осталась корочка одна.

Я никогда не плакал в драках,
Хотя немало их видал,
А вот тогда я шел и плакал
И, плача, корку доедал...

МЕДВЕЖОНОК

В давней молодости когда-то
По желанию твоему
Медвежонок смешной, лохматый
Поселился в твоем дому.

Был он маленький, робкий, зябкий,
С хитрым ключиком заводным,
Но, смешно становясь на лапки,
Он казался тебе живым.

И трепещущими ночами,
Глядя в тихую полутьму,
Ты воркующими губами
Все рассказывала ему.

Слушал мишка и верил очень
В то, что ведали мы одни:
И в медовые наши ночи
И в бедовые наши дни.

Целовала его спросонок,
Приносила в горстях росу...
Где он — глупый наш медвежонок,
Заблудился в каком лесу?

Может, выберемся, поищем?
Может, в этот недобрый час
Он и вправду по лесу рыщет
И, потерянный, ищет нас?

Нет, зачем мы к нему поедем?
Это глупо и ни к чему.
Стал он диким
Большим медведем...
Да и нас не узнать ему...

ОСЕНЬ

Какая чистая заря...
Мудрит немыслимо природа.
И кажется — средина года,
А не средина октября.

Еще не тронута листва,
Еще луга в зеленой дымке,
Еще полощет паутинки
В притихшем озере трава.

И все же нет того тепла,
И даль не та. И реже просинь...
И понимаешь, что пришла,
Но только притаилась осень.

Василий ТИТОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Мы говорили с лесником о единстве формы и содержания, а к литературе этот человек имеет большое читательское отношение. Он говорил:

— По-моему, это две разные вещи — две, но все же совсем не разные, а между ними конфликт. Ну, как бы вам это объяснить...

И он начал делать всевозможные теоретические построения, запутался вконец и даже чертыхнулся с досады. И вдруг вскричал, показав рукою в бор:

— Да вот, смотрите. Это точно, пожалуй, выражает мысль о форме и содержании.

В бору на поляне стояли две сосны, и они как-то причудливо и смело обвились вершинами, что казалось, душат друг друга. Им по тридцать пять, сорок лет, стоят тело с телом, где-то там, где свились вершинами, трутся стволами под ветром и издают скрип такой тугой, что он похож на стон нетерпения. Смертельное и смелое объятие!

— Ну что,— спросил лесничий,— не похоже на правду? Единая форма получилась, и содержание едино. И попробуй тут вырвись, все сочинение рассыплется.

— Ну, а если бы порознь стояли, тогда как?

— Получилась бы пастораль, бесконфликтное произведение.

А тут конфликт налицо и удивляет как настоящее свершение художнического духа. Возражаете?

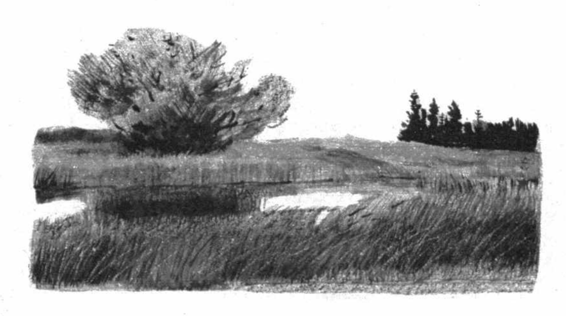
— Принимаю к сведению,— ответил я.

ЧАСЫ В ЦВЕТАХ

Скрип дергача вызывает всегда представление о луговых сырых местах, хотя дергач зачастую бытует и на лесных опушках и даже возле низинных ржаных нив.

Кажется, живи эта птица на суходоле, она и голос бы имела другой. Вот чибис не скрипит, а стонет.

А у коростеля за века в сырых местах голос отсырел. Скрип его, и впрямь сырой, вызывает хорошее представление о незабудках, об озерках, о лютиках, что своими золотистыми глазками весь день глядят на солнце, а ноги купают в воде, о птичьих бродка́х по росе, разливах цветов и художествах ранней воды.

Вешние воды бывают всегда одинаковые, разливы цветов на лугах всегда разные. И от того, что так распорядилась вода, распределив, как умела, по почве и тонкому илу семена цветов, луга и лежат все в гаммах то желтого, то синего, то розового, то отдельно белого цвета. Так разукрасила луг вода.

Такие разливы есть и у людей: речевы́е разливы (ну хоть Вологда, поморский Север, земля Новгородская), разливы умельства (ну хоть Тула, Урал-батюшка), уклад жизни и даже характеров (ну хоть Дон, Кубань, Сибирь Ленская да Иркутская). Большая вода одна у всех — жизнь, разливы — разные.

Но о дергаче.

Вот тут, где спокойные воды были и цветы встали вместе с травою, и скрипит дергач. Здесь сыро. В полдень жарко и сыро, вечером прохладно и сыро, в грозы душно и сыро.

И всегда кажется, когда бываешь в таких местах, у коростеля отсырели часы. Он их все заводит, заводит, заводит и никак не может завести.

Но не так ли бывает у некоторых на благодатных лугах поэзии и прозы?

ВОТ КОГДА ПИСАТЬ!

Один старый писатель, который мало писал, так рассказал мне о себе:

— Было, когда молодой был, в жизни, как на дворе, все казалось как-то неполно. Ну, и в самом себе тоже. И двора-то, собственно, своего не было — общий двор за окном. А все же хотелось чем-то его заполнить: то деревце посадишь, то для всех скамеечку соорудишь. И думаешь: чем бы его еще заполнить? Казалось, его век никак не заполнишь. И времени, времени впереди было столько, что некуда было в нем самого себя девать. И потому, казалось, и сама моя жизнь была, как большой двор, который никак не ухвоишь, где все чего-то еще нет, чего-то не хватает, и он стоит почти пустой.

А теперь гляжу и не гляжу на свой этот двор, а все равно вижу и знаю: все уже в нем есть, он всем полон, все в нем и разместилось и притулилось, что остается только ждать, когда все из него просто за так, без усилий, а то и по желанию к тебе прямо в дом придет — и болячки всякие, и недоумения, и удивления разные, и удачи, и неудачи, и похвалы, и огорчения.

И закончил:

— Вот когда писать!

НА БОРОДИНЕ

Нас четверо на полянке. Они аборигены: сын, отец, дед. Я среди них — «пилигрим».

Сын — бравый человек, рассказывая о себе, вспоминает Отечественную, вспоминает, как воевал, где воевал.

Отец его, человек с хорошей сединою в поредевших давно волосах, вспоминает гражданскую — тогда тоже воевал. Он бы и минувшую, Отечественную «прихватил», если бы не подранил «фриц», когда пришлось из-под Шевардина колхозных коров в тыл угонять.

А дед, отец отца, совсем белый старик, вспоминает «миколаевскую», год 1914-й. Он и с австрияком воевал и с немцем дрался: «Кайзер тоже на нашу землю тогда пер».

День осенний, теплый, ясный, в небе плывет паутина. К тому же день и воскресный еще. Далеко впереди нас видны желтеющие перелески, оголенные поля, памятники. Бородинское поле то золотом взблеснет, то орлом вскинется к небу. Только не летит орел ввысь, застыл на высоком граните и озирает золотую осень с высокой вершины. В последних цветах Багратионовы флеши.

Мы сидим под стогом сена праздные, «выходные», перебираем в памяти все, что знаем о Бородинской битве и о всех тех, что прошли за века по русской земле. Разные они были, разные у них и запал и огонь были. Одни свои, совсем свои, а другие такие, что как-то и кем-то по злой воле народу навязанные.

Я не говорю этого моим собеседникам,

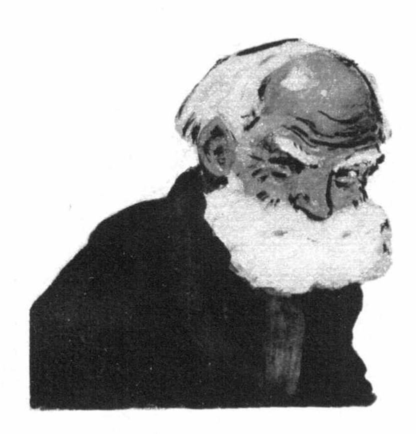
ЭТЮДЫ

я только их слушаю. Они бородинцы, им мой почет. А они все больше говорят о минувшей, Отечественной; труднее и тяжелее всего на веках было в ней. И вся гордость у стариков падает на сына. Оба отца отдают предпочтение ему; он в ней воевал.

Сын женат, давно уже и сам отец, есть у него и свои дети-воины.

Три бойца. Три отца. Один корень.

И как я ни пытаюсь заставить себя помнить, что войны были у нас разные, от разных причин, с разным запалом, все же, слушая этих трех отцов, не могу отделаться от одного впечатления: через все войны на нашей земле на веках встает для меня все же всегда одна большая война, всегда отечественная, всегда война отцов за жизнь для детей на земле всегда отцовской, отеческой.

КАК В СКАЗКЕ

Деда мы едва поставили на ноги, отнесли его мешок на гору, к мешку он добрался сам. А до этого шли и говорили о соли в жизни, о соли в книге, о соли во всем.

— Что так сморился, дедушка, что и в горушку взойти не мог? — спросили мы старика.

Старик сел на мешок и ответил:

— Это у меня, как в сказке, получилось.

— Как в сказке? Что за сказка?

— А про ношу. Один однова во времена давнишние в город за солью пошел. Насыпал ему лавочник два пуда. Вскинул мужик мешок на плечо, прошел пять верст и думает: «Нету в мешке двух пудов соли, что-то больно легко несется. Обвесил окаянный лавочник, обвесил». Однако не возвращается. Поднял ношу и пошел. Прошел еще пять верст, что-то тяжеленько стало идти, думает: «Нет, два пуда будет в мешке, не было бы двух пудов, так бы не устал я». Отдохнул, понес дальше. Прошел еще пять верст — и деревня близко, а у него уже и дух весь, нечем несть. Хватил мешок оземь и говорит: «Надул проклятый лавочник, надул, больше нарочно насыпал, для смеху».

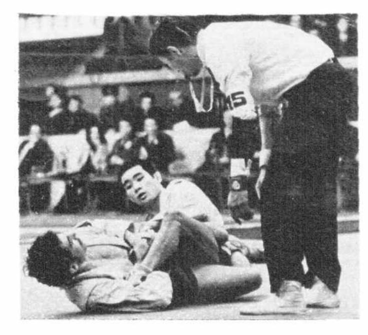
— Ну, а у вас-то как же?

— А и у меня так. Когда первые пять верст шел, легко бежал. Когда вторые пять, приустал достатком. А когда третьи пять верст шел, у своей вот горы свалился, не влезть на нее стало.

— А что за кладь в мешке?

— Да говорю же, как в сказке. Соль и у меня в мешке. Сельповская. Только не продавца в дороге ругал — себя. Мне теперь соли этой до смерти не съесть. А я позарился, чтоб, мол, и на всю следующую войну хватило. Под слушок о войне попал. Сорок килограммов укупил, более двух пудов выходит. Вот какая сказка получилась.

Прикинуть, так эта история со стариком у меня давненько была, лет двадцать пять назад. А я и до сих пор боюсь пересолить.

На чемпионате Европы по самбо. Советский самбист Александр Хош (слева) побеждает болевым приемом японского борца Кацухи Касивасаки.

Фото Б. Светланова.

УСПЕХ САМБО

Самбо — молодой вид спорта, но биография его начинается во тьме веков. Советские тренеры, изучая национальные виды борьбы народов СССР, создали борьбу самбо, название которой произошло от соединения первых трех букв слова «самозащита» с начальными буквами слов «без оружия». За восемь лет огромной исследовательской работы было отобрано около пяти тысяч приемов защиты и нападения, используемых в разных национальных видах борьбы, и все они вошли в арсенал самбо.

16 ноября 1938 года считается официальным днем рождения самбо. Этой датой помечен приказ Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту, в котором самбо был признан как вид спорта. Уже спустя год состоялся первый чемпионат СССР, и в течение многих лет советские борцы были страстными пропагандистами молодого самбобытного вида борьбы за рубежом. В 1967 году в Риге был проведен первый международный турнир, в котором приняли участие борцы многих стран, а затем состоялись международные турниры в Москве, Сочи и Ташкенте. И вот снова Рига. На сей раз здесь был проведен первый открытый чемпионат Европы по самбо.

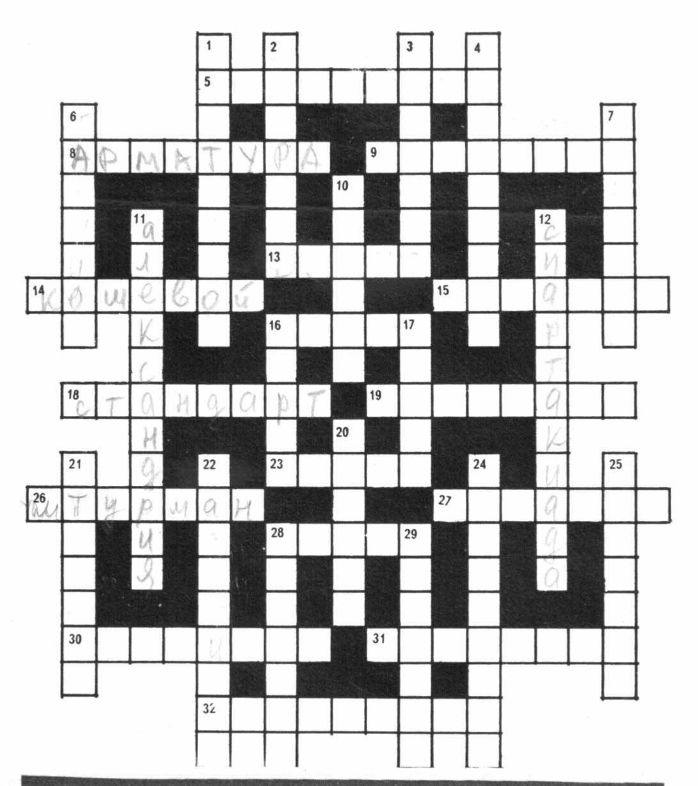
Спортсмены восьми стран — Болгарии, Югославии, Монголии, Великобритании, Испании, Ирана, Японии и СССР, приняли участие в чемпионате Европы. Четыре дня рижский Дворец спорта был заполнен до отказа, и надо сказать, что зрители не обманулись в своих ожиданиях. Самбо — это азартное, динамичное зрелище. По шесть минут длятся предварительные схватки, по восемь — полуфиналы, и десять минут даются борцам в финале, и ни одной «холостой» секунды, ни одной секунды, не использованной по прямому назначению, — для борьбы.

Советские самбисты, естественно, пока сильнее своих соперников из других стран. Но если на двух последних международных соревнованиях — в 1970 и 1971 годах — они заняли все первые места в десяти весовых категориях, то на чемпионате Европы дважды уступили победу японским самбистам. Но разве восемь золотых медалей — это не успех?

Первый чемпионат Европы проводился как личное первенство, но главный приз принадлежит всем самбистам мира. Этот приз — всеобщее признание. Об этом заявил президент комиссии самбо международной любительской Федерации борьбы англичанин Герберт Дженкоб: самбо теперь признано каждой нацией как один из официальных видов борьбы. В 1973 году мы решили провести первый чемпионат мира и надеемся, что к 1980 году борьба самбо будет включена в программу Олимпийских игр.

В. ВИКТОРОВ

Рига, по телефону.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Опера Дж. Верди. 8. Каркас железобетонного сооружения. 9. Актриса Малого театра, народная артистка СССР. 13. Областной центр в РСФСР. 14. Персонаж романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 15. Фотографическое изображение. 16. Плодовое дерево. 18. Образец, шаблон. 19. Итальянский физиолог, один из основателей учения об электричестве. 23. Приток Дуная. 26. Специалист по вождению морских и воздушных кораблей. 27. Советский конструктор автоматического оружия. 28. Строительный материал. 30. Прибор для измерения числа оборотов в минуту. 31. Рассказ М. Горького. 32. Город на острове Хонсю в Японии.

По вертикали: 1. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». 2. Река на Северном Кавказе. 3. Гриб. 4. Народный поэт Киргизской ССР. 6. Приспособление для прыжков с высоты. 7. Советский живописец-баталист. 10. Русский писатель XIX века. 11. Порт в Арабской Республике Египет. 12. Массовое состязание. 16. Щит для экспонатов. 17. Курорт на берегу Черного моря. 20. Яркая звезда в созвездии Близнецов. 21. Пролив, соединяющий Адриатическое море с Ионическим. 22. Поэма Т. Г. Шевченко. 24. Смычковый инструмент. 25. Верхний полуэтаж. 28. Полуостров во Франции. 29. Автор комической оперы «Виндзорские проказницы».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 7. Сенокос. 8. Саппоро. 9. Спектакль. 10. Причастие. 12. Украина. 15. Мортира. 17. Верди. 18. Ижора. 19. Ершов. 22. Инари. 23. Конопля. 25. Носорог. 27. Протектор. 29. Целлулоид. 31. Потебня. 32. Паводок.

По вертикали: 1. «Фронт». 2. Лапта. 3. «Телескоп». 4. Полкан. 5. Шапито. 6. Оратория. 11. Вертикаль. 13. «Анджело». 14. Авиация. 15. Микешин. 16. Толокно. 20. Скоморох. 21. «Громобой». 24. Латунь. 26. Орлеан. 28. Егерь. 30. Угорь.

На первой странице обложки: — Нас, Шадиевых, пять братьев — Хаким, Наби, Касым, Фазыл и Кабул. И все мы растим и собираем большой хлопок Узбекистана.

Фото Э. Эттингера.

На последней странице обложки: — Опрокинулась в небо серебряная чаша Николаевской станции «Орбита». Через нее видят амурцы весь мир!

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/XI-72 г. А 00758. Подп. к печ. 28/XI-72 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2515. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3759.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Жизнь в музыке началась! Три сестры: Эльвира, Альфия, Элеонора...

Т Р

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Они играли трио Моцарта, светлое и глубокое, полное юношеского жизнелюбия и мудрых раздумий. Неяркое солнце осеннего дня лежало на стене консерваторского класса, отражалось в застекленных рамках портретов великих музыкантов.

Я слушал музыку, смотрел на серьезные юные лица трех девушек, составивших классическое инструментальное трио, и мне вспоминалось, как директор консерватории, старый русский музыкант и педагог Александр Васильевич Свешников говорил нам с каким-то изумлением:

— Это, знаете ли, поразительно! Ведь я помню: в тридцатых еще годах мой знакомый фольклорист рассказывал мне, как путешествовал по Казахстану... Степь, колючие ветры, юрты... Он записывал с голоса песенные мелодии... Там не знали, что такое нотная грамота... Нет, повидайте, обязательно повидайте трех сестренок! Представляете! Три сестры из одной казахской семьи: скрипачка, пианистка, виолончелистка... И настоящие музыканты, смею вас уверить, чуткие, вдумчивые... Вы непременно поговорите с ними: на редкость интересный народ, эти девочки Накипбековы!

Трио... Но, вероятно, сначала следует коротко рассказать о каждой из трех.

Скрипачка, вон та миниатюрная девушка, пожалуй, самая сосредоточенная сейчас, что подает легким взмахом смычка сигнал к вступлению,— Эльвира, старшая из трех сестер. Ей двадцать один год. Она еще, конечно, учится, студентка четвертого курса Московской консерватории. Год назад участвовала в традиционном конкурсе скрипачей имени Никколо Паганини в Генуе, стала лауреатом. Теперь, учась, выступает в концертах, играет соло и с симфоническим оркестром. Мы знаем, что буквально через несколько часов после этих занятий в классе камерных ансамблей Эльвира снова отправится в концертную поездку...

За фортепиано — Элеонора. Тоже студентка, но третьего курса. Романтическое имя вполне пристало облику средней из сестер, романти-

ческому, слегка задумчивому, что, впрочем, не мешает ей быть спортсменкой — пловчихой и теннисисткой.

Элеонора, по словам старшей сестры, ценителя, надо сказать, строжайшего и нелицеприятного, отличается тонким чувством ансамбля, мягкой исполнительской манерой. Выступает и она соло. Не так давно слушатели, побывавшие в филармоническом зале, аплодировали ей за исполнение концерта для фортепиано с оркестром Ференца Листа...

На виолончели играет младшая, Альфия. В консерватории она учится первый год. Старшие сестры уверяют, будто более неразговорчивого, углубленного в себя человека трудно представить: «За день два-три слова вымолвит, не больше... Такой уж железный характер!..» Позволим себе не вполне согласиться. Улыбка Альфии приветлива и сердечна, приветлив и сердечен разговор, особенно если речь заходит о музыке, об уникальной виолончели из государственной коллекции музыкальных инструментов, на которой она играет, о первых ее опытах в композиции... Насчет углубленности в светлый творческий мир, в котором живет Альфия, сомнений нет: это так. Стоит лишь увидеть, с какой увлеченностью играет она свою виолончельную партию в трио...

— У них фамильная черта — увлеченность,— говорит нам Татьяна Алексеевна Гайдамович, педагог, руководитель консерваторской кафедры камерного ансамбля.— Думается мне, у этого трио большое будущее...

С первых дней, как сели за пюпитры три сестры, работает с ними Татьяна Алексеевна. Это она внимательностью, требовательностью и чуткостью своей помогла юным музыкантам понять главное, что ждут от них: проникновение в замыслы и душу творца музыки, в его стиль, его время.

Легкий хлопок в ладоши. Звучание ансамбля прерывается, словно нехотя сходит на нет.

— Вам нравится, девоньки, как вы сейчас играли!..

— Пожалуй, не очень... Увлеклись...

— Правда... Недостаточна фразировка... Смазан второй план... Вы согласны!.. Повторим вот с этого места: ля, соль...

И они повторяют. Еще и еще раз. И хотя, признаемся честно, нам и до этого нравилась их игра, нельзя не заметить, как становится все выразительней, совершеннее ансамблевое звучание... Не эти ли многочасовые трудные поиски, не эта ли беспощадная строгость девушек к себе позволяют педагогам верить в них и предсказывать счастливую музыкальную судьбу молодому камерному ансамблю сестер Накипбековых — первому трио в молодой истории профессионального музыкально-исполнительского искусства Казахстана!..

Вместе они недавно вернулись из Белграда. Был там международный конкурс музыкальной молодежи, сложное, творческое соревнование трио.

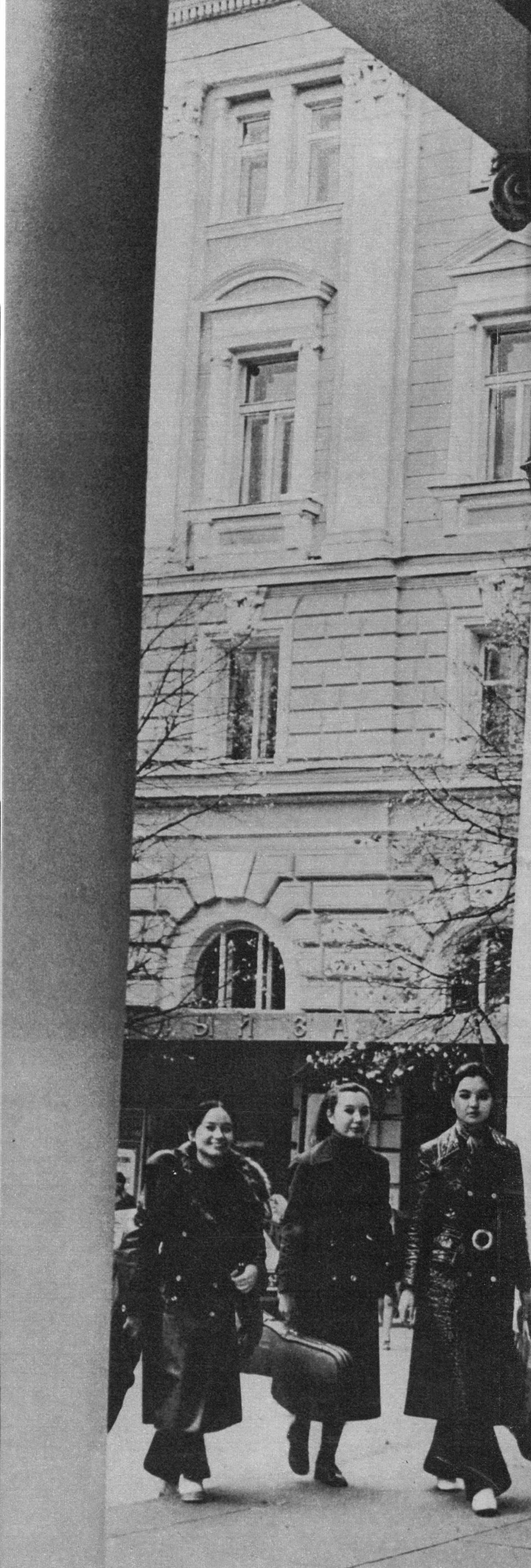
— Справились с программой девочки хорошо,— вспоминает Татьяна Алексеевна,— с очень нелегкой программой: Моцарт, Бетховен, Брамс, Шостакович, югославский композитор Швара... Получили почетный диплом лауреатов... Теперь предстоят выступления в Москве...

На Шереметьевский аэродром они отправились задолго до прибытия самолета из Алма-Аты. Сегодня приезжает мама! Она не так давно была с ними, в Москве, но все равно без нее трудновато. Не очень-то приспособились к самостоятельному существованию. Живут в хорошей, большой комнате студенческого общежития консерватории, но вот о своих обедах могли бы позаботиться лучше. Готовят, конечно... Но как!.. Все ведь некогда...

Мать, Рашида Абдулловна, человек не из музыкального мира, служащая, вырастила, подняла на ноги дочерей. Жили в Караганде, бегали девочки в детский сад.

Как же пришли к музыке! Так, как приходит к своему призванию вся наша советская многоязыкая молодость. Заметили педагоги в детском саду, что у сестренок Накипбековых, кажется, хороший музыкальный слух и память. Постарались развить способности, как умели. Повела мать своих дочерей одну за другой в музыкальную школу. Благо, теперь эти школы есть в Казахстане везде. Послушали, приняли девочек, стали учить.

Остальное вы знаете.

Эльвира — старшая. Она уже солирующий скрипач.

Дома...

Есть тоже надо.

Наставник трио Татьяна Алексеевна Гайдамович.

Час за часом идут занятия.

У стен консерватории.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663